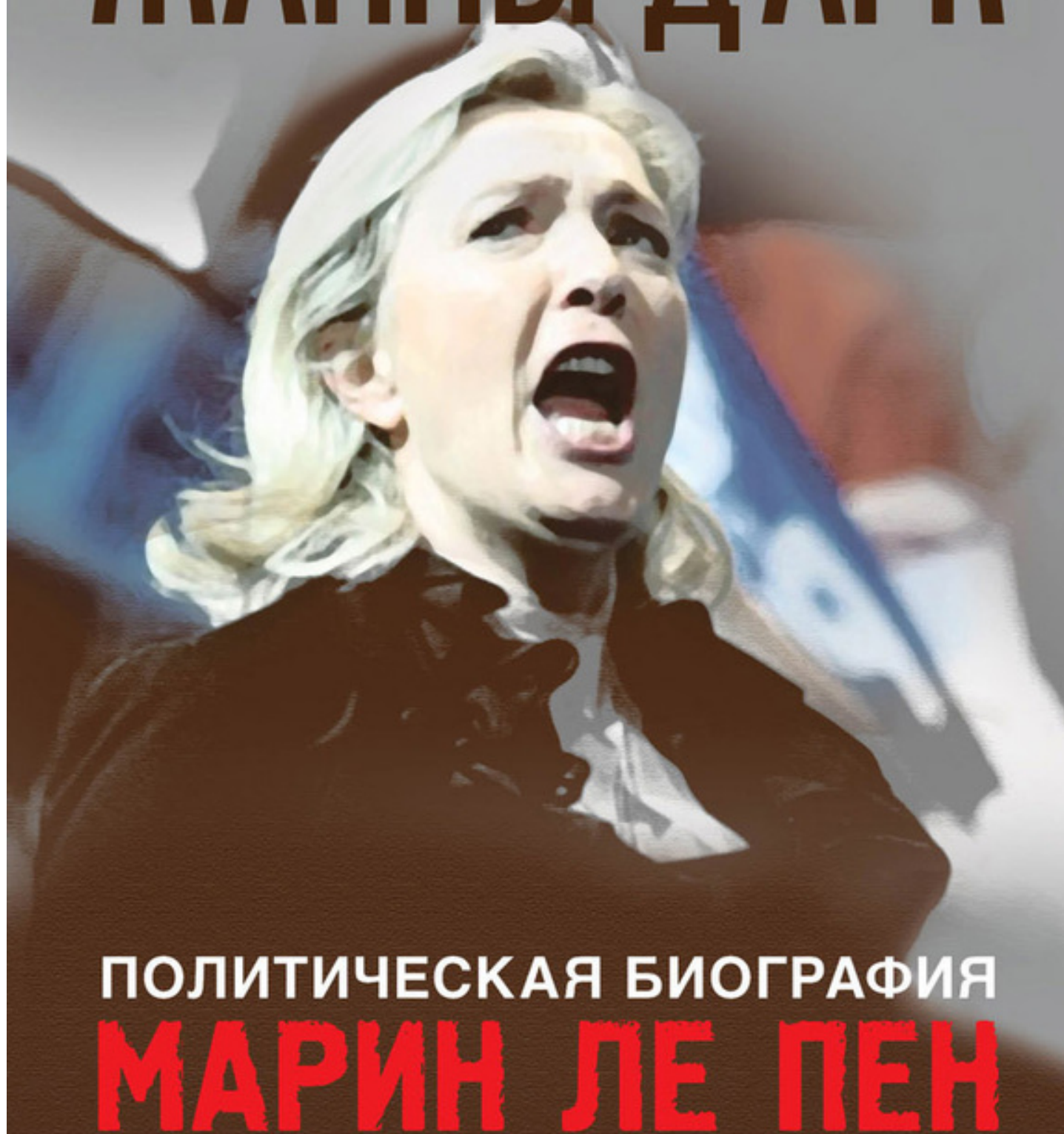

КИРИЛЛ БЕНЕДИКТОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЖАННЫ Д'АРК

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ

МАРИН ЛЕ ПЕН

Политики XXI века

Кирилл Бенедиктов

**Политическая биография
Марин Ле Пен.
Возвращение Жанны д'Арк**

«Книжный мир»

2015

Бенедиктов К. С.

Политическая биография Марин Ле Пен. Возвращение
Жанны д'Арк / К. С. Бенедиктов — «Книжный мир»,
2015 — (Политики XXI века)

ISBN 978-5-8041-0796-4

Новая книга известного российского писателя Кирилла Бенедиктова (более 10 литературных премий) представляет собой опыт политической биографии Марин Ле Пен как яркого представителя той части политического класса Франции, которая испытывает искреннюю симпатию к далекой «сестре» на Востоке – России. Франция – давний и сложный политический партнер России в Западной Европе. Франко-русские отношения отмечены и ожесточенными войнами между нашими странами, и эпохами мира и даже «Сердечного согласия». Но нам известна и Франция – законодательница моды, центр европейской культуры, страна, окутанная романтическим флером... Наверно поэтому Франция всегда была для русского человека чем-то вроде земли обетованной, приковывающей внимание, вызывающей повышенный интерес. Но что мы действительно знаем о Франции, о ее внутренней, скрытой от туристов провинциальной жизни, об обстановке, в которой «закалялась сталь» молодой девушки, ставшей в будущем одной из самых известных женщин-политиков – наряду с Маргарет Тэтчер, Ангелой Меркель и Кондолизой Райс? Сможет ли Марин Ле Пен преодолеть сопротивление своих политических врагов и стать новым де Голлем? Сможет ли осуществить мечту своей жизни – «Фрекзит» и добиться того, чтобы ее прекрасная Франция покинула тесные узы Евросоюза? Станет ли реальностью новый франко-русский союз, если у руля Пятой республики встанет современная Жанна д'Арк? И не постигнет ли ее судьба средневековой предшественницы, ставшей жертвой коварных англосаксов? Предлагаемая читателю книга –

фактически первая изданная в России полная биография лидера
Национального Фронта Франции Марин Ле Пен.

ISBN 978-5-8041-0796-4

© Бенедиктов К. С., 2015

© Книжный мир, 2015

Содержание

Введение	8
Глава первая	15
«Твой папа – фашист»	15
«Завсегдаи клубов»: Марин собирает команду	21
Глава вторая	26
Путь к успеху	34
Глава третья	39
Мятеж Мегре	41
Рождение новой звезды	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Кирилл Бенедиктов

Политическая биография Марин Ле Пен

Возвращение Жанны д'Арк

Серия «Политики XXI века»

Книга издана при содействии Фонда ИСЭПИ

© К. С. Бенедиктов, 2015

© Книжный мир, 2015

* * *

*Памяти моих учителей – Анатолия Васильевича Адо и
Владимира Сергеевича Посконина*

*Франция, на лик твой просветленный
Я еще, еще раз обернусь,
И, как в омут погружусь бездонный,
В дикую мою, родную Русь.*

*Ты была ей дивною мечтою,
Солнцем стольких несравненных лет,
Но назвать тебя своей сестрою, Вижу,
вижу, было ей не след.*

*Только небо в заревых багрянцах
Отразило пролитую кровь,
Как во всех твоих республиканцах
Пробудилось рыцарское вновь.*

*Вышли, кто за что: один – чтоб в море
Флаг трехцветный вольно пробежал,
А другой – за дом на косогоре,
Где еще ребенком он играл;*

*Тот – чтоб милой в память их разлуки
Принесли «Почетный легион»,
Этот – так себе, почти от скуки,
И среди них отважнейшим был он!*

*Мы собрались, там поклоны клали,
Ангелы нам пели с высоты,
А бежали – женищин обижали,
Пропивали ружья и кресты.*

*Ты прости нам, слепым и незрячим,
До конца униженным, прости!
Мы лежим на гноище и плачем,
Не желая Божьего пути.*

*В каждом, словно саблей исполина,
Надвое душа рассечена,
В каждом дьявольская половина
Радует, что она сильна.*

*Вот, ты кличешь: – «Где сестра
Россия, Где она, любимая всегда?»
Посмотри наверх: в созвездье Змия
Загорелась новая звезда.*

*Николай Степанович Гумилев
1918 г.*

Введение

История российско-французских отношений знала как периоды острой вражды (война 1812 г., Крымская война 1853–1855 гг.), так и периоды весьма тесного сближения как цивилизационно-культурного (вторая половина 18 века – 1812 г.), так и военно-политического (франко-русский союз 1891–1917 гг.) Бесславный конец последнего союза многими русскими франкофилами воспринимался как предательство со стороны России ее «возлюбленной сестры» Франции – именно так это было отражено в пронзительном стихотворении Н. С. Гумилева, выбранном мной эпиграфом к этой книге. И надо сказать, у русских франкофилов были все основания винить Россию в тяжком грехе предательства: пришедшие к власти в России большевики заключили с Германией сепаратный Брестский мир, что позволило немцам продвинуться почти до самого Парижа.

Хотя отношения между Францией и Советским Союзом, по понятным причинам, не могли быть такими же сердечными, как во времена Российской Империи, взаимное притяжение двух стран ощущалось и в этот период. Достаточно вспомнить франко-советский пакт о взаимопомощи 1935 г., документ, значение которого в историографии явно недооценено. Принято считать, что история не знает сослагательного наклонения, но нетрудно представить себе, как изменилась бы история Европы, если бы не саботаж англичан на военных переговорах в Москве в 1939 году¹. Безусловный интерес представляет тот факт, что наиболее дальновидные французские политики подчеркивали необходимость франко-советского союза задолго до подписания этого пакта. Например, искренний русофил Эдуард Эррио вспоминал о событиях 1935 г.:

«Итак, я изучаю карту. Я вижу на ней только одну страну, которая была бы для нас необходимым противовесом и могла бы создать в случае войны второй фронт. Это Советский Союз. Я говорю и пишу об этом уже с 1922 года (выделено мною. – К. Б.). На меня смотрят, как на коммуниста или безумца. Даже царь при всем своем деспотизме пошел некогда на союз с республикой. Неужели наша буржуазия, наша печать окажутся менее умными? Что касается меня, я не изменю своих убеждений. По моему мнению, это диктует сама логика развития и даже просто здравый смысл. 4 апреля 1935 года под впечатлением дурных вестей из Германии я нанес визит послу Потемкину и обсудил с ним условия франко-русского соглашения...»².

Можно, наконец, вспомнить знаменитые слова генерала де Голля о Европе «от Атлантики до Урала», напугавшие Хрущева в год Карибского кризиса, но позже охотно цитировавшиеся адептами конвергенции и нового мышления³. Они были не просто красивой метафорой, данью цветистому галльскому красноречию, но продолжением интеллектуальной традиции, представленной, в частности, такими выдающимися личностями, как **Пьер Паскаль** и **Пьер Шоню**, – традиции, которая, как мы увидим на страницах этой книги, жива во Франции до сих пор.

---

¹ 17 и 20 августа 1939 г. глава французской военной миссии генерал Думенк сообщал из Москвы в Париж: «Не подлежит сомнению, что СССР желает заключить военный пакт и не хочет, чтобы мы превращали этот пакт в пустую бумажку, не имеющую конкретного значения. {...} Провал переговоров неизбежен, если Польша не изменит позицию». Под давлением Лондона Польша не изменила свою позицию, что и привело в итоге к событиям сентября 1939 г.

² Эдуард Эррио. Из прошлого: Между двумя войнами. 1914–1936.

³ Хрущев был возмущен высказываниями де Голля насчет создания какой-то «Европы от Атлантики до Урала». Советским дипломатам было дано указание срочно выяснить у французов, что имеет в виду их президент, выступая с такими идеями, и не помышляет ли он расчленить Советский Союз. Был подготовлен срочный запрос, ответ на который шокировал Хрущева. На встрече с советским послом С. А. Виноградовым Шарль де Голль сказал: «Придет время, когда мы будем строить Европу вместе с Советским Союзом».

Последним на данный момент периодом сближения Москвы и Парижа – увы, весьма кратким – следует считать 2003 г., когда обе страны сблизились на почве противостояния военному вторжению США и их союзников в Ирак. Едва не сложившаяся ось «Париж-Берлин-Москва» заставила Кондолизу Райс произнести в июне того года сакраментальное: *«Мы должны наказать Францию, проигнорировать Германию и простить Россию»*. В общем и целом, неплохие отношения между Россией и Францией сохранялись до конца президентства Ж. Ширака⁴, но уже с приходом к власти Николя Саркози становится очевидным разворот Пятой республики в сторону Вашингтона (а также явное потепление между Парижем и Варшавой, к которой Ширак не питал особенной симпатии как верному вассалу Вашингтона в Европе).

Тем не менее, очевидно, что Франция – одна из двух стран Западной Европы, с которой Россия может образовывать стратегические союзы; вторая – это, разумеется, Германия. В 2013 – начале 2014 года часть экспертного сообщества в России была практически уверена в том, что союз Берлина и Москвы (где Германия будет поставщиком технологий и управленческих моделей, а Россия – поставщиком ресурсов и рабочей силы) настолько выгоден обеим странам, что не может не стать реальностью. События на киевском Майдане и последовавшие военные действия в Новороссии похоронили этот амбициозный проект, так как стало ясно, что Германия не готова идти на союз с Россией против воли своих старших партнеров по НАТО.

Но только ли в недоброй воле Вашингтона дело? Достаточно очевидно, что без общей ценностной платформы – именно ценностной, а не идеологической – создание по-настоящему крепкого союза между Россией и ведущей европейской страной невозможно, без нее такой союз будет в лучшем случае ситуативным, тактическим, а не стратегическим. С Германией таких общих ценностей у России нет, или почти нет. С Францией же история другая. Именно между Россией и Францией возникло взаимное идеологическое притяжение, основанное на разделяемых значительной частью общества консервативных ценностях.

По мнению крупного специалиста по франко-российским отношениям **Тома Гомара**, *«во Франции можно выделить шесть основных подходов к интерпретации российской политики. Три из них роднит между собой строгая критика режима: это защитники „прав человека“, обеспокоенные нарушением общественных свобод, хулители „великорусской идеи“, которых тревожат даже слабые проявления русского национализма, и эксперты в области распространения ядерного оружия... Напротив, три других подхода подчеркивают позитивную стабилизацию России. Ссылаясь на баланс мировых держав, первые видят Россию как „великую страну“ и „стратегического партнера“. Для вторых Россия – огромный рынок с мощным потенциалом роста. Третьи видят в Путине последнего защитника русских интересов, который проводит политику национальной независимости – что-то вроде голлизма по-русски»*⁵.

Более того: не будет преувеличением сказать, что часть французского политического класса с надеждой смотрит на Россию как на хранительницу и защитницу традиционных европейских ценностей, павших под натиском глобализации и насаждаемой повсюду агрессивной цивилизационной англосаксонской модели. Как считает французский юрист и политолог **Эммануэль Леруа**, на протяжении ряда лет бывший членом Национального Фронта:

«Последний оплот, который они (англосаксонская финансовая олигархия. – К. Б.) должны завоевать, находится на берегу Москвы-реки. И война, которую они ведут, они ведут, чтобы завоевать Кремль. Это тотальная война: идеологическая, культурная, религиозная,

⁴ Который неоднократно говорил о «привилегированном партнерстве» между Россией и Францией.

⁵ Thomas Gomart. La politique russe de la France: fin de cycle? // Politique étrangère. 2007/1.

экономическая, технологическая и, разумеется, собственно война в классическом ее понимании».

Разумеется, когда мы говорим о части французского политического класса, мы по умолчанию имеем в виду и значительную часть французского общества, поскольку в состав этой группы симпатизантов России входят как интеллектуалы, формирующие повестку дня и влияющие на общественное мнение, так и политические активисты, мобилизующие электорат. Среди таких лидеров выделяется глава партии Национальный Фронт Марин Ле Пен, являющаяся сейчас наиболее симпатизирующим России европейским политиком.

Книга, предлагаемая вниманию читателя, представляет собой опыт политической биографии Марин Ле Пен как яркого представителя той части политического класса Франции, которая чувствует, может быть, не всегда рационально объяснимую, но искреннюю симпатию к далекой «сестре» на Востоке. Личность лидера Национального Фронта неотделима от истории самой партии, которую на протяжении почти сорока лет возглавлял отец Марин, Жан-Мари Ле Пен. Жизни и политической карьере Ж.-М. Ле Пена в контексте возникновения и становления Национального Фронта посвящена вторая глава этой книги. Непростые взаимоотношения отца и дочери, которым в книге уделено немало внимания, отражают глубинные процессы, происходившие и происходящие в настоящий момент в недрах Национального Фронта, не всегда очевидные для стороннего наблюдателя. Разворачивающаяся буквально на наших глазах полная драматических поворотов история противостояния отца и дочери, напоминающая классический шекспировский сюжет, описана в седьмой главе книги, посвященной последним (по времени) событиям в истории Национального Фронта, в частности, департаментским выборам весны 2015 г.

Описание борьбы Марин Ле Пен за власть в партии, процесса «де-демонизации» (*dédiabolisation*) Национального Фронта, было бы неполным без рассказа о ближайших ее соратниках и советниках: вице-президентах НФ Луи Альо и Флориане Филиппо, а также казначее партии Валлеране де Сен-Жюсте. Им посвящена отдельная глава, в которой также рассматриваются важные для истории модернизированного Национального Фронта сюжеты: сближение с еврейской общиной Франции и Израилем, проблема «гомосексуального лобби» в руководящих эшелонах партии и скандал, связанный с финансированием НФ со стороны российских банковских структур.

Подробно описана в книге и борьба Марин Ле Пен с европейской бюрократией в стенах Европарламента – борьба, в которой лидер Национального фронта, несмотря на мощную электоральную поддержку внутри страны, противостоит безликим, но сплоченным и хорошо организованным европейским «аппаратчикам». Каким образом «новой Жанне д'Арк» удалось сломить сопротивление евробюрократии и расстроить интриги конкурентов-евроскептиков, рассказывается в главе «Битва за Европу».

Наконец, последняя глава исследования посвящена в основном проблеме отношения Марин Ле Пен и Национального Фронта к России, и анализу возможностей создания нового консервативного союза между Россией и Францией, а также той роли, которую лидер НФ играет в изменении отношения к России в правом сегменте французской политической элиты.

* * *

Для понимания личности и идейной эволюции лидера Национального Фронта чрезвычайно важны написанные ей самой книги: автобиография **«Против течения»** (Marine Le Pen, *À contre-flots*. Paris, éd. Grancher 2006) и вышедшая в январе 2012 г., за несколько месяцев до президентских выборов, книга **«Чтобы Франция жила»**, представляющая собой

идеологическую программу Марин Ле Пен (Marine Le Pen, *Pour que vive la France*, Paris, éd. Grancher, 2012).

Личность Марин Ле Пен привлекает внимание журналистов и политических аналитиков даже больше, чем изрядно «демонизированная» СМИ фигура ее отца. Однако в случае с Марин Ле Пен задача критиков существенно осложнялась тем, что ее образ изначально был куда более привлекательным, чем брутальный имидж Ле Пена-старшего. Поэтому все усилия противников НФ были направлены на то, чтобы «разоблачить» новый образ партии, активно создаваемый Марин. В этом ключе написана книга Каролин Фуре и Фьяметты Веннер «**Марин Ле Пен**» (второе издание которой так и называется: «**Разоблаченная Марин Ле Пен**» (*Caroline Fourest, Fiametta Venner. Marine Le Pen démasquée. Paris: Grasset, 2012*)).

Каролин Фуре – профессиональный журналист, в сферу интересов которой входят в основном религиозные фундаменталисты. В 2011 г., когда готовилось первое издание книги про Марин, она работала в печально известном еженедельнике *Charlie Hebdo*. Именно тогда на редакцию *Charlie* было совершено первое нападение – ее забросали бутылками с «коктейлем Молотова». А за несколько лет до этого Фуре подписала обращение 12 французских интеллектуалов с требованием «остановить новый тоталитаризм – исламизм». Что касается Фьяметты Веннер, то она известна не только как журналист, «разоблачающий» организации католиков-традиционалистов, но и как лесбийская активистка.

Фуре и Веннер ставили своей задачей «расшифровать» операцию по «де-демонизации» Национального Фронта, в проведении которой, как они указывают в предисловии ко второму изданию, Марин Ле Пен, «казалось, преуспела» к маю 2011 г. Будучи яркими представителями как раз того глобализированного, антитрадиционалистского общества, против которого выступает Национальный Фронт, они являются убежденными противниками Марин Ле Пен, что и предопределило неудачу обозначенной в самом начале книги претензии на некую объективность.

Несмотря на то, что Фуре и Веннер обещали «не искажать, не демонизировать» образ лидера НФ – реакция самой героини книги (Марин подала на авторов в суд) показывает, что это намерение так и не было реализовано. Во втором издании Фуре и Веннер сделали особый упор на «разворот Марин Ле Пен в сторону путинской России», который, без сомнения, представляется им серьезным грехом – ведь в России безжалостно попирают права сексуальных меньшинств и возрождают православную церковь. Не гнушаются они и изысканиями в ворохе грязного белья, что особенно очевидно в главе, посвященной судьбе Сандры Кац, кандидату от НФ в кантоне Кудекерк-Бранш (департамент Нор), которую пресса объявила «девушкой по вызову»⁶.

В отличие от крайне тенденциозной, хотя и насыщенной интересными фактами, книги Фуре и Веннер, книга Патриса Машуре, журналиста и редактора канала France 3, «**В коже Марин Ле Пен**» (*Dans la peau de Marine Le Pen, Paris: Edition de Seuil, 2012*), написана в куда более выдержанном тоне. В ней дается комплексный портрет нового лидера НФ: личности сложной, подверженной приступам гнева, ранимой, эгоцентричной, но в то же время умеющей отлично ладить с людьми. Безусловный интерес представляет описание Машуре съезда НФ в Туре в январе 2015 г., на котором Марин была избрана новым президентом партии вместо своего отца.

Исследование социолога Сильвен Крепон «**Опрос в сердце нового Национального Фронта**» (*Sylvain Crepon. Enquete au Coeur du Nouveau Front National. Paris, Nouveau Monde edition, 2012*) представляет собой фундаментальное исследование изменившейся с приходом Марин Ле Пен партии. Крепон, доктор социологии из университета Западный Париж

---

⁶ То, что Сандра Кац не была таковой, стало очевидно уже после ее самоубийства в ноябре 2011 г. (<http://rue89.nouvelobs.com/2011/11/22/une-ex-candidate-fn-sandra-kaz-se-suicide-226775>).

– Нантер занимается изучением Национального Фронта более 20 лет, она автор нескольких книг, посвященных крайне правым. Монография Крепон интересна тем, что рассматривает партию в динамике, анализирует изменения, произошедшие в ней с приходом новой команды во главе с Марин Ле Пен. Крепон очень подробно и тщательно исследует опыт административного руководства, полученный Марин на посту муниципального советника города Энен-Бомон (в департаменте Па-де-Кале) – своего рода опытного полигона Национального Фронта.

Нельзя не упомянуть и о посвященных Марин Ле Пен книгах, относящихся к жанру fiction. Например, роман Фредерика Деслорье «Двести дней **Марин Ле Пен**», увидевший свет в 2011 г., повествует о том, что произошло после победы Марин Ле Пен на президентских выборах 2012 г., когда ей удалось разгромить и Саркози, и социалистов (*Frederic Deslauriers. Deux cent jours de Marine Le Pen. Paris: Plon. 2011*). В вышедшем полгода назад романе Мишеля Уэльбека «**Покорность**» все происходит с точностью до наоборот – но только в 2022 г. (*Michel Houellebecq, Soumission, Paris, Flammarion, 2015*). После того, как результаты президентских выборов были аннулированы после масштабного мошенничества с подсчетом голосов, на объявленных дополнительных выборах лидер мусульман Франции Мухаммед Бин Аббес побеждает Марин Ле Пен, опираясь на социалистов и правых. На следующий день страна погружается в средневековье, нормы ислама и законы шариата заменяют двухтысячелетнее наследие европейской цивилизации. Когда левые обвинили Уэльбека в том, что он своим романом сделал «подарок Марин Ле Пен», писатель ответил: «Вряд ли ей нужны мои подарки – у нее и так все хорошо».⁷

Французские СМИ, что не удивительно, также оказывают НФ и его лидеру самое пристальное внимание. Наиболее интересные материалы, однако, содержит партийная пресса, а именно официальный орган партии Le Nouveau National Hebdo, пришедший на смену старой газете Фронта National Hebdo, которую на протяжении многих лет возглавлял Р. Гоше. Помимо этой, выходящей раз в неделю газеты, события, происходящие в партии, и деятельность Марин Ле Пен, существуют три достаточно влиятельных СМИ, отражающие позицию французских националистических сил: Minute, Présent и – особенно – Rivarol.

Основанный в январе 1951 командой журнала Ecrits de Paris, к которой присоединились «молодые волки» Антуан Блонден, Жюльен Гернек (Франсуа Бриньо) и Морис Ге (Gait), Rivarol является самой «отвязанной» газетой крайне правых, одержимой всемирным еврейским заговором и засильем гомосексуалистов в правительственных кругах. Национальному Фронту Rivarol, в общем, всегда симпатизировал, но в 2005 г. между ними пробежала черная кошка: редактор еженедельника Жером Бурбон опубликовал запись своего конфиденциального разговора с Жан-Мари Ле Пенем, в котором последний весьма откровенно высказывал некоторые свои взгляды на историю Второй мировой войны. Тем не менее, до 2010 г. еженедельник поддерживал НФ и его лидера, позволяя себе, тем не менее, критиковать их по тем или иным конкретным поводам (то, что в СССР называлось «товарищеская критика»).

Однако в 2010 г. все изменилось. Газета заняла крайне враждебную позицию в отношении Марин Ле Пен, которая как раз начала предвыборную кампанию с целью занять пост президента НФ (подробно об этом рассказывается в четвертой главе книги). Главный редактор издания, Ж. Бурбон, католикинтегрис, седевакантис⁸ и ярый антисемит, посто-

⁷ По странному стечению обстоятельств, роман Уэльбека увидел свет 7 января 2015 г. – в тот день, когда исламские террористы расстреляли журналистов в редакции Charlie Hebdo.

⁸ Католики-интегрисы (от лат. *integrum* – «целостный»), стремятся свести к минимуму заявленное папой Иоанном XXIII «обновление» и сохранить традиционные положения вероучения в целостности. Седевакантисы – сторонники течения в интегральном католицизме, считающие, что после Второго Ватиканского собора престол святого Петра остается вакантным, а Папой является узурпатор. Некоторые седевакантисы полагают, что с приходом Бенедикта XVI ситуация изменилась к лучшему.

янно атаковал «клан Ле Пен» и часто употреблял вместо слов «Национальный Фронт» (Front National) слова «Семейный Фронт» (Front familial). К Марин, из-за проводимой ей политики «де-демонизации» партии, предполагающей отказ от антисемитской и гомофобной риторики, Бурбон относится с нескрываемой враждебностью.

«Для меня Марин Ле Пен – демон, абсолютный враг со всех точек зрения, в моральном, политическом и интеллектуальном плане. Это абсолютная катастрофа, я не испытываю к ней ни малейшего доверия. Все, что я испытываю – это тотальное отвращение; впрочем, это взаимно».

Отношение Minute и Présent к дочери Жан-Мари Ле Пена претендует на несколько большую объективность, хотя в 2010 г. эти СМИ также поддерживали кандидатуру соперника Марин Ле Пен на выборах президента партии Бруно Гольниша. С весны 2014 г. Présent полностью поддерживает Марин; в том числе и в ситуации ее конфликта с отцом в апреле-мае 2015 г.

Наконец, два журналиста одной из ведущих и наиболее авторитетных газет Франции, Le Monde, Абель Местр и Каролин Монно, ведут досье «Крайне правые»⁹, где Марин Ле Пен уделяется немало внимания. При общей тенденциозности этой газеты в ее отношении к Национальному Фронту и его лидеру нужно признать, что в ряде случаев Местр и Монно пытаются объективно подойти к анализу «жареных фактов», которые другими изданиями подаются в однозначно негативном ключе. Примером может служить история с кредитом, полученным НФ от Первого Чешско-Российского Банка, о которой подробно рассказывается в четвертой главе книги.

На русском языке литература, посвященная Марин Ле Пен, почти отсутствует. Единственным исключением является книга **«Нужна ли России Марин Ле Пен?»** бывшего спецкора «Правды» во Франции В. Большакова, выпущенная издательством «Алгоритм» в 2012 г., а также книга **«Марин Ле Пен. Равняться на Путина!»** представляющая собой компиляцию интервью и выступлений лидера Национального Фронта, в основном, посвященных России, снабженная послесловием того же Большакова. Вот и все, что есть на русском языке об одном из наиболее интересных политиков современной Европы.

В течение долгих лет отечественные публицисты и даже некоторые политологи повторяли затертые еще в советское время штампы о якобы «неофашистском» характере партии Национальный Фронт. Естественно, когда несколько лет назад внезапно выяснилось, что новый лидер НФ более чем кто-либо из европейских политиков симпатизирует России и поддерживает ее действия на международной арене, эти штампы сослужили нашей стране плохую службу.

Правда, с тех пор кое-что все-таки изменилось: усилия Марин Ле Пен по превращению Национального Фронта в «рукопожатную» политическую силу принесли свои плоды не только во Франции, но и у нас. Но представление о том, что при Жан-Мари Ле Пене НФ был ультраправым движением, а при его дочери слегка сдвинулся в сторону мейнстримной партии, по-прежнему очень распространено и в российской журналистике, и даже в экспертной среде.

Между тем, как будет показано в этой книге, Национальный Фронт с самого начала довольно резко отмежевывался от действительно экстремистских и – что греха таить – близких неофашизму движений, сыгравших определенную роль в его возникновении. Вся его история с 1972 до 2011 г., (когда власть в партии перешла к Марин Ле Пен) – это история постепенного превращения изначально маргинальной и существовавшей в политическом «гетто» партии в мощную и способную заставить считаться с собой силу, претендующую на интеграцию в устоявшуюся политическую систему. Марин Ле Пен – при всем уважении к ее

---

⁹ <http://droites-extremes.blog.lemonde.fr/>

усилиям по модернизации партии – лишь продолжила процесс, который шел в НФ, по меньшей мере, с конца 1980-х годов (т. н. «первая де-демонизация», в ходе которой в руководство партии были приглашены университетские преподаватели, такие, как Бруно Гольниш, видные активисты правоцентристских партий, такие, как Бруно Мегре, и интегрированные в парижскую элиту юристы, такие, как Валлеран де Сен-Жюст). Эти события (включая раскол Мегре) сыграли значительную роль в формировании Марин Ле Пен как политика – поэтому, хотя наша книга и не является историей Национального Фронта, им уделено в ней определенное внимание.

И сейчас Национальный Фронт представляет собой в полном смысле слова системную политическую силу, и не так важно, «первую» или «третью» партию Франции – главное, что это уже мейнстрим. Более того: как будет показано в шестой главе, именно у партии Марин Ле Пен есть реальный шанс стать новой голлистской партией для современной Франции.

Эта книга не претендует на то, чтобы нарисовать портрет модернизированного Национального Фронта, проанализировать все его победы и (относительные) поражения. Автор ставил перед собой более узкую и достаточно скромную задачу – познакомить читателя с биографией Марин Ле Пен, вписанной в контекст крайне правого движения во Франции, которое – по целому ряду причин – является наиболее симпатизирующей новой России и проводимой ею политике политической силой современной Европы.

Получилось это или нет – судить читателю.

Глава первая Маленькая девочка из Монтрету

«Твой папа – фашист» (1968–1984)

Марин Анн Перрин Ле Пен, младшая дочь Жан-Мари Ле Пена и Пьеретт Лаланн, родилась в пригороде Парижа Нёйи-сюр-Сен¹⁰ 5 августа 1968 г.

Фамилия «Ле Пен», как всегда утверждал ее отец, на местном бретонском диалекте (Жан-Мари родился в Бретани в окрестностях городка Трините-сюр-Мер) означала «главарь», «босс». Но есть и другая версия, согласно которой древние формы этой фамилии (Le Raen, Le Réen) употреблялись для обозначения «язычников» (по-французски «раён»)¹¹. Впрочем, в семье Ле Пенов все были добрыми католиками, а традиции, переходящие из поколения в поколение, чтились и соблюдались здесь неукоснительно. Поэтому Жан-Мари, придававший большое значение обрядам, устроил торжественные крестины своей младшей дочери 25 апреля 1969 г. в церкви Св. Марии Магдалины в 8 округе Парижа.

Однако крестного отца для Марин он выбрал весьма своеобразного.

Анри Ботей, известный также под именами Месье Эрик и Император Пигаль, был личностью по-своему выдающейся. Начинал он как скромный ученик пекаря, но довольно быстро сделал карьеру управляющего ночными клубами, барами с сомнительной репутацией и дешевыми отелями для влюбленных. В середине 70-х он был осужден за сутенерство (которое, в отличие от проституции, во Франции запрещено), но каким-то образом ухитрился вести дела и из-за решетки. Выйдя на свободу, Ботей принял участие в жестокой войне банд за контроль над районом Пигаль. В него несколько раз стреляли, его пытались взорвать – но он выходил из всех переделок живым и невредимым и в конце концов выиграл эту войну. При всем том Ботей вовсе не походил на классического гангстера: это был низенький (1,5 метра ростом, за что его называли за глаза «Rase-Mottes», что можно перевести и как «Недомерок»), очень обаятельный жизнелюб, носивший роскошное пальто из норки и передвигавшийся по городу на белом «Роллс-ройсе». Однако в 1968 г., когда он стал крестным отцом Марин Ле Пен, ни «Роллс-ройса», ни норкового пальто еще не было и в помине: Ботей был просто молодым и веселым парнем, занимавшимся, как все полагали, гостиничным бизнесом.

«Ботей все сделал превосходно, – вспоминала в 1988 г. мать Марин, Пьеретт Ле Пен (к тому моменту уже четыре года как разведенная с Жан-Мари). – Крещение было с большой помпой проведено в церкви Св. Марии-Магдалины. Для тех, кто не верит в „знаки“, приведу только один пример. Капеллан Попо, проводивший обряд, окропил водой лоб Марин и

---

¹⁰ Место, замечательное во всех отношениях. Помимо того, что там родился Жан-Поль Бельмондо, а умер Георгий Иванович Гурджиев, Нейи-сюр-Сен долгое время был вотчиной Ашилла Перетти, бывшего доверенного телохранителя генерала де Голля. С поста мэра Нейи-сюр-Сен А. Перетти шагнул на еще более высокий уровень, став председателем Национального собрания Франции (который занимал до 1972 г., когда вскрылись его связи с корсиканской мафией). А секретарем Перетти была некая Андре Мала, мать будущего президента Франции Николя Саркози (впоследствии также ставшего мэром Нейи).

¹¹ Если это так, то Ле Пены оказываются однофамильцами знаменитого основателя и первого Великого магистра ордена тамплиеров Гуго де Пейна (Hugues de Payens или Hugo de Paganis).

насыпал соль ей на язык...¹² Попо был знаменитостью. Известен он был всей „братве“ как капеллан тюрьмы Френе...»¹³

По словам Пьеретт, когда «Месье Эрика» арестовала полиция, ее муж объяснил ей причину весьма туманно: *«Это было предопределено... Он зарабатывал слишком много денег, фискалы его выследили»*. Но спустя несколько дней Пьеретт прочла в газетах, за что именно был арестован Ботей, и *«газеты выпали у нее из рук»*. Однако Жан-Мари решительно отказался говорить с ней на эту тему; единственное, что он сделал, это строго-настрого запретил маленькой Марин смотреть телевизор, пока не схлынет вся шумиха вокруг ареста «крупнейшего сутенера Парижа». Марин была очень привязана к «месье Эрику». *«С ней он был сама любезность и доброжелательность: настоящий крестный...»*, – вспоминала Пьеретт.

Возникает, разумеется, вопрос, что связывало бывшего «зеленого берета» и ловкого сутенера из парижских предместий? Вопреки распространенному заблуждению Анри Ботей не был родственником Жан-Мари Ле Пена. Зато они оба участвовали в работе Комитета Тиксье-Виньянкура: Ле Пен был руководителем избирательного штаба, а Ботей финансировал избирательную кампанию Тиксье-Виньянкура. Была и еще одна ниточка, связывавшая Жан-Мари Ле Пена и Анри Ботея: Пьер Дюран, журналист, старый друг и компаньон Ле Пена, по свидетельству Пьеретт Ле Пен, был одним из самых доверенных помощников месье Эрика, через которого сутенер руководил своим бизнесом даже из тюрьмы. Но следует иметь в виду, что Пьеретт в своих воспоминаниях все же чересчур пристрастна: позже станет ясно, что у нее были на то причины.

Пьеретт Лалан и Жан-Мари Ле Пен познакомились в 1958 г. – когда ей было 23, а ему 30 – а поженились в 1960. Пьеретт – блондинка-фотомodelь – родила мужу трех дочерей: Мари-Каролин, Янн и Марин. Со стороны казалось, что их брак идеален: Жан-Мари окружал жену заботой, и все, что он от нее требовал, – чтобы она всегда хорошо выглядела. В Трините-сюр-Мер, на родине Жана-Мари, она целыми днями загорала в саду, «одетая лишь в собственные волосы», как шутили в семье Ле Пена. *«Я для него – как привал для воина»*, – говорила Пьеретт друзьям. Однако за этим благополучным фасадом бушевали нешуточные страсти, о которых она поведаст миру уже после развода. Насколько ее откровения соответствовали действительности – судить трудно; но известно, что впервые о желании расстаться с мужем она заявила еще в 1972 г. – как раз когда Жан-Мари возглавил Национальный Фронт. Но в тот момент все как-то обошлось, и семья Ле Пен, крепкая, словно хорошо сработавшаяся боевая группа, прошла плечом к плечу бурные семидесятые годы. Все пятеро бросали вызов окружавшему их миру – даже в поездках к морю на уик-энд опускали стекла в «Бьюике» и вовсю горланили песни, эпатируя спешащих на отдых буржуа. Песни были не простые, а военные, например, популярная в годы Первой мировой «La Madelon», а иногда и вовсе боевые марши Иностранного Легиона.

Летом 1972 г., когда Марин было четыре года, сестры Ле Пен проводили каникулы на побережье Средиземного моря в Палава-ле-Фло неподалеку от Монпелье. Однажды старшие сестры, заигравшись с детьми Алена Жаме, одного из друзей отца, принимавшего участие в создании Национального Фронта, попросту забыли Марин на пляже. Только вернувшись домой, они обнаружили, что младшей с ними нет. Были организованы поиски, и через некоторое время малышку нашли. Франс Жаме вспоминала впоследствии, что ее поразила совершенно недетская выдержка четырехлетней Марин: *«Хотя она долго оставалась одна, но не впала в панику и не заплакала»*.

Она росла с сознанием того, что окружающий мир враждебен ей и ее семье.

¹² У католиков святая вода – соленая. Капеллан должен был с молитвой посолить воду и окропить ей малышку.

¹³ Le parrain proxo de Marine Le Pen // Bakchich 10-06-11 (<https://www.bakchich.info/france/2010/06/11/le-parrain-proxo-de-marine-le-pen-57903>).

В школе сестры Ле Пен подвергались постоянной травле. Одноклассники кричали им: «Ваш отец – фашист!», а учителя только отводили глаза. Имя Жан-Мари Ле Пена внушало добропорядочным обывателям страх, но страх испытывали и его дети.

Марин родилась в год, когда Пятую республику сотрясали студенческие волнения, позже названные Красным маем. «Новые левые» правили бал в Сорбонне и Нантере, в моде были Ленин и Троцкий, самые радикальные гошисты самозабвенно цитировали председателя Мао – «винтовка рождает власть!» Правые консерваторы и традиционалисты находились не просто в гетто – они были раздроблены на крошечные партии и движения, которые никто не принимал всерьез. Но шли годы, и усилия отца Марин по созданию единой националистической партии понемногу приносили плоды – и довольно скоро левые, особенно анархисты, увидели в нем своего смертельного врага. В ночь Хэллоуина (во Франции она называется «Ночь всех святых», Toussaint) 1976 г. в окно их дома кто-то бросил самодельную бомбу. По счастливой случайности, никто не пострадал, но взрывом разворотило половину кухни и выбило стекла в доме. Дети – и, прежде всего, восьмилетняя Марин – пережили настоящий шок. *«Именно тогда я поняла, что я дочь человека, за которым охотятся, которого хотят убить»*, – признавалась она много лет спустя журналистам.

Спустя несколько недель семья Ле Пен переселилась из 15-го округа Парижа в более спокойный и безопасный Монтрету. Место было великолепное – считается, что именно из Монтрету (коим заканчиваются Елисейские Поля) открывается лучший вид на Париж. Но и здесь постоянное ощущение нависшей над ними угрозы не оставляло детей. *«Там царила атмосфера смерти, – вспоминала гораздо позже средняя дочь Жана-Мари, Янн, которой на тот момент едва исполнилось 13. – Я прятала под подушку зубчики чеснока, чтобы отогнать злых духов»*¹⁴.

Поместье, в котором поселилась семья Ле Пен, Жан-Мари унаследовал от эксцентричного миллионера Юбера Ламбера, владевшего процветающим бизнесом по производству цемента и строительных смесей. Монархист Ламбер разделял крайне правые идеи и был большим поклонником Жана-Мари, которого считал эталоном француза, мужественным и решительным. Умер Ламбер при странных обстоятельствах: неизлечимо больной, и, по-видимому, страдавший психическими отклонениями, он, по свидетельству родных, был «полностью изолирован» в последние месяцы своей жизни. Единственным человеком, с которым он общался, был Жан-Мари Ле Пен.

Помимо огромных денежных сумм (по разным данным, от 30 до 40 миллионов «тяжелых франков»), Ле Пен унаследовал от цементного короля трехэтажную виллу площадью в 365 квадратных метров посреди роскошного парка почти в пять гектаров¹⁵. Именно сюда переселилась семья Ле Пен после взрыва в 15-м округе Парижа.

В Монтрету Жан-Мари Ле Пен устроил *«свое правительство и свой двор»*. Он разработал целую систему ритуалов, например, обязательное фотографирование хозяина и его гостей на верхней площадке лестницы, устраивал праздники, костюмированные вечера. Он очень старался, чтобы члены семьи не думали о нависающей над ними угрозе и наслаждались жизнью. А угроза была вполне реальной: в марте 1978 г. сионистскими боевиками из никому до той поры неизвестной группировки «Коммандос Памяти» был убит – взорван в своем автомобиле – друг Ле Пена, историк **Франсуа Дюпра**. Ему отомстили за ревизионизм – Дюпра доказывал, что во время Второй мировой войны было уничтожено гораздо меньше евреев, чем официально признанные 6 миллионов, а газовых камер в немецких лагерях смерти якобы не существовало вовсе. Вместе с Дюпра в машине находилась его жена –

¹⁴ Pascale Nivelles. Elle n'a rien d'une blonde // Libération, 15.01.2011 (http://www.liberation.fr/politiques/2011/01/15/elle-n-a-rien-d-une-blonde_707387).

¹⁵ Ныне поместье Монтрету оценивается приблизительно в 6,5 млн.

она чудом выжила, но осталась инвалидом на всю жизнь. Жан-Мари вполне мог чувствовать себя следующим в списке – а хуже всего было то, что невидимые враги не щадили и тех, кто находился рядом с их жертвами.

Но удар, обрушившийся на семью Ле Пен, последовал совсем с другой стороны.

В 1984 г. в поместье Ле Пена в Монтрету гостил журналист газеты *Le Figaro* Жан Марсильи, работавший над биографией Жана-Мари (к тому моменту Национальный Фронт стал уже заметным политическим явлением). Между молодым журналистом и уставшей от жизни в «золотой клетке» Пьеретт вспыхнула симпатия... и 10 октября 1984 г. мать троих детей и жена лидера Национального Фронта со скандалом ушла из дома вместе с несостоявшимся биографом Ле Пена.

Скандал продолжился и после ее ухода: Пьеретт изо всех сил старалась скомпрометировать имя Ле Пена, давала бесчисленные интервью, не жалея черной краски для описания характера и привычек своего бывшего мужа. Впрочем, не жалела она и дочерей, которые остались с отцом, сплотившись вокруг него, как верные солдаты вокруг своего раненого командира. Чтобы уязвить самолюбие Жан-Мари, фотографировалась обнаженной на обложке «Плейбоя». Фотографии, которые до сих пор можно без особого труда отыскать в сети, вызывают смешанные чувства: все-таки экс-модели к этому времени было уже почти под пятьдесят. Янн Ле Пен, которая увидела фотографии во время своего медового месяца, путешествуя по Юго-Восточной Азии, высказалась про них очень грубо: «...наружу, половая тряпка в ж...е». Пристали репортеры и к Марин, но та нашла другие слова: «Мама – это тайный сад, а не общественная помойка»¹⁶. Тем не менее, она очень тяжело переживала разрыв родителей: «Полтора месяца я не могла есть – меня рвало каждый раз, когда я пыталась проглотить кусок», – вспоминала она в автобиографии.

А Пьеретт не унималась. Ее рассказы о «зоологическом антисемитизме» бывшего мужа во многом способствовали формированию легенды о «фашиствующем политике», которая сопровождала лидера Национального Фронта долгие годы. Помимо всего прочего, она наотрез отказалась отдавать Ле Пену запасной стеклянный глаз, который всегда носила в сумочке (в драке на предвыборном митинге Ле Пен потерял глаз и носил искусственный). Жан-Мари был в ярости. «Ты приползешь в Сен-Клу (западный пригород Парижа, где располагалась вилла Монтрету) на коленях», – писал он Пьеретт. И не экономил на эмоциях, описывая, что он станет делать с ней в этом случае. Щадя эстетические чувства читателя, не станем останавливаться на карах, которые Ле Пен обещал бывшей жене¹⁷.

Много лет спустя Пьеретт, оставленная всеми своими любовниками и мужьями, без гроша в кармане, действительно вернулась в брошенную когда-то семью – и почти на коленях. Хорошо зная крутой нрав своего бывшего мужа (Жан-Мари уже давно был женат вторым браком на полу-француженке, полугречанке Жани), она попробовала наладить контакты со старшими дочерьми – Мари-Каролин и Янн. Те приняли «блудную мать», сняли ей квартиру и начали планомерную «осаду», целью которой было убедить отца принять раскаявшуюся Пьеретт. И только после того, как Жан-Мари, характер которого с годами смягчился, великодушно разрешил бывшей жене поселиться в садовом домике в Монтрету, младшая дочь Пьеретт, Марин тоже ее простила.

Но это случится только через много лет, а пока шестнадцатилетняя Марин осталась без матери.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Надо сказать, что после развода Пьеретт досаждала Жану-Мари еще и постоянными намеками на то, что в жилах его дочерей течет не вполне «чистая» французская кровь. В отличие от стопроцентного бретонца Ле Пена, Пьеретт Лаланн происходила из семьи виноделов с юга Франции (регион Медок), и ее генеалогическое древо было изрядно «подпорчено» средиземноморским влиянием: она с гордостью рассказывала, что среди ее предков были не только итальянцы, но и левантские арабы, и даже евреи.

«У нее никогда не было матери, это невероятно»¹⁸, – сказал о ней Жан-Клод Мартинес, вице-президент Национального Фронта, исключенный из партии в 2008 г. Это, конечно, преувеличение – все-таки до 6 лет Пьеретт явно имела какое-то влияние на дочь, но можно согласиться с нынешним гражданским мужем Марин Луи Альо, который утверждает, что Марин была воспитана своим отцом. И свидетельство самой Пьеретт, утверждавшей, что *«Марин всегда была абсолютным клоном своего отца»*, окончательно убеждает нас в том, что из Марин всегда была самой преданной «папиной дочкой»¹⁹.

Отношения в семье после ухода Пьеретт оставались очень близкими и доверительными, хотя Жан-Мари воспитывал дочерей в несколько гипертрофированном духе «зеленых беретов». В комнате Марин висел плакат «Война – это черное солнце, под которым люди мужают». В кругу друзей отца сестры распевали песни Иностранного Легиона. Когда они пытались пожаловаться на какие-то неудобства, Ле Пен повторял: *«Вы должны уметь выжить голыми на снегу»*. Сестры обожали отца... и боялись его.

«Фигура отца жутко мешала нашей личной жизни, – вспоминала позже Янн. – Это было непросто для нас... и еще сложнее для наших парней». В автобиографии Марин вспоминала, что «статус дочери Ле Пена» давил тяжким грузом на молодых людей, с которыми она знакомилась. *«Разделять мою жизнь – означало брать на себя ответственность за все, что меня окружало... начиная с детства: покушения, сплетни, предвыборные кампании...»* И она, и ее сестры привыкли к разделению мира на две части: в одной – семья Ле Пен, в другой – все остальные. *«Мы были ежами, – подтверждала Янн. – Более недоверчивыми и подозрительными, чем другие. Мы познали горечь предательства: и со стороны друзей, и со стороны близких»*.

Приблизительно в это же время Ле Пен-старший в телешоу «Час истины» выскажет свое кредо: *«Я люблю своих дочерей сильнее, чем моих кузин, моих кузин – больше чем моих соседей, моих соседей больше, чем незнакомцев»*. Его услышат пятнадцать миллионов человек, но на самом деле эта максима будет обращена только к троим – Мари-Каролин, Янн и Марин. Особенно к Марин.

Дальнейшая судьба сестер сложилась, естественно, по-разному, но мощное гравитационное поле Жан-Мари Ле Пена и – что не менее существенно – его детища, партии Национальный Фронт, скорректировало жизненный путь каждой из них.

Мари-Каролин, старшая из сестер, которую в семье называли «Каро», в 1998 г. рассталась с отцом в результате внутрипартийного конфликта. Каро и ее муж, Филипп Оливье²⁰, последовали за «предателем» Бруно Мегре, который пытался сместить Жан-Мари Ле Пена с поста президента Национального Фронта²¹. Ле Пен заклеил дочь позором в эфире TF1 (гневно обрушившись на всех *«женщин, которые склонны следовать за своими мужьями или любовниками скорее, чем за своими отцами»*), а в частном разговоре заявил ей: *«Ты больше не моя дочь»*. Мари-Каролин не стала унижаться и вымаливать прощения. Они вместе с мужем продолжали партийную карьеру, но уже в движении Мегре. В 2011 г. корреспондент France Soir задал 82-летнему Жан-Мари вопрос о его отношениях со старшей дочерью. Ответ был вполне в духе Ле Пена: метафоричным и выпендренным. *«Энцефалограмма пока-*

¹⁸ Portrait de Marine Le Pen en fille de sa mère // <http://www.lesinrocks.com/2011/06/05/actualite/portrait-de-marine-le-pen-en-fille-de-sa-mere-1114390/>.

¹⁹ Pascale Nivelles. Elle n'a rien d'une blonde // Libération, 15.01.2011 (http://www.liberation.fr/politiques/2011/01/15/elle-n-a-rien-d-une-blonde_707387).

²⁰ Это был второй брак Мари-Каролин; первым ее мужем был Жан-Пьер Гендрон, также активист Национального Фронта (а до этого член «Французского действия», «Нового порядка» и других крайне правых организаций).

²¹ Подробнее об этом – в третьей главе.

зывает плато. Она (Мари-Каролин. – К. Б.) поддалась двойному греху неверности и неблагодарности».

Марин, которая в момент конфликта возглавляла юридический департамент Национального Фронта, вела активную борьбу против Мари-Каролин, однако впоследствии примирилась с «предательницей» – в СМИ писали, что важную роль в примирении сестер сыграла Пьеретт, отдавшая, таким образом, долг своим детям за то, что они помогли ей вернуться в клан.

*«Сегодня наши дети регулярно видятся, – говорила Марин в 2011 г. – Что касается меня, я полностью ее простила. Ведь она – моя сестра».*²² Каро полностью ушла из политики и посвятила себя семейной жизни. А вот ее муж, Филипп Оливье, даже был некоторое время одним из наиболее доверенных советников Марин Ле Пен, когда она заняла пост президента Национального Фронта²³.

Что касается Янн, то она попыталась «соскочить» с подножки семейно-партийного экспресса, едва став совершеннолетней. Самая чувствительная и ранимая из сестер, тяжело переживавшая «атмосферу смерти», сгущавшуюся вокруг Монтрету, она была нонконформисткой в изначально нонконформистском семействе. *«Я – лепеновская хитрушка»*, – говорила Янн о себе. За месяц до получения диплома бакалавра она бросила лицей, не предупредив родителей, и уехала на Маврикий работать аниматором в отеле. Потом быстро – и тоже никого не предупредив, – вышла замуж за стюарда (*«Это было заманчиво, поскольку он не имел никакого отношения к политике»*). Но этот брак оказался неудачным, и в 1993 г. Янн все-таки вернулась во «Вселенную Ле Пен» и вышла замуж во второй раз – за президента молодежной организации Национального Фронта Самуэля Марешаля. С ним она тоже впоследствии развелась, но перед этим родила троих детей – в том числе, Марион Марешаль Ле Пен, которая ныне считается восходящей звездой движения²⁴. Впоследствии Янн работала помощником депутата Европарламента, одного из наиболее влиятельных партийных деятелей, Бруно Гольниша. Несмотря на это (Гольниш был соперником Марин в борьбе за пост президента НФ в 2011 г.) Янн до сих пор очень близка с Марин, которая называет ее «моя сестра-близнец».

Что касается самой Марин, то она даже не предпринимала никаких попыток вырваться из силового поля Жана-Мари и его партии. Она – единственная из всей семьи – была предана отцу без каких-либо оговорок. *«Ради отца Марин была готова на все»*, – писал редактор France Soir Тугдуаль Дени. И хотя в детстве Марин мечтала о том, чтобы стать фотографом или, в крайнем случае, сделать карьеру комиссара полиции, судьба ее была предрешена: она должна была стать наследницей своего отца. Не случайно писатель и политик **Ален Сораль** заявил как-то: *«У Жана-Мари Ле Пена есть сын. Его зовут Марин»*.

---

²² Le roman des sœurs Le Pen // France Soir, 18.04.11. (<http://archive.francesoir.fr/actualite/politique/roman-des-soeurs-pen-92762.html>)

²³ Правда, потом он снова отдалился от своей свояченицы и в январе 2015 г. вступил в партию «Вставай, Франция!» голлиста Николя Дюпон-Эньяна.

²⁴ В 2013 г. журнал L'Express опубликовал материалы, согласно которым биологическим отцом Марион Марешаль является известный журналист и дипломат Роже Ок (Roger Auque), который в 1987–1988 г. находился в заложниках у движения Хезболла в Ливане. Марион не оспаривала этот факт, но подала в суд на издание за вмешательство в частную жизнь.

«Завсегдатаи клубов»: Марин собирает команду

Несмотря на то, что жизнь в тени харизматичного и скандального политика, каким был Жан-Мари Ле Пен, значительно ограничивала свободу действий молодой девушки, Марин в полной мере отдала дань соблазнам юности. «Она проводила больше времени в ночных клубах, чем на митингах», – свидетельствовал историк Национального Фронта. Тот же историк осторожно упоминает о том, что будущий президент НФ была весьма равнодушна к «эфебам», меня смазливых бойфрендов, как перчатки²⁵. Однако к серьезным чувствам она явно была не готова.

В отличие от Янн она получила диплом бакалавра в лицее Флорен-Шмит в Сен-Клу и без особого труда поступила в университет Париж Пантеон-Асса (Panthéon-Assas) – лучший юридический университет Франции, преемник прославленного факультета права средневековой Сорбонны. Под сенью этого университета с 1968 г. функционировал студенческий союз «Группа совместной обороны» (GUD). Как и многие другие студенческие крайние правые организации, GUD возник при непосредственном участии бойцов «Запада», группировки, о которой будет подробно рассказано во второй главе.

GUD был крайне правым союзом, члены которого охотно использовали для убеждения оппонентов бейсбольные биты. За это его периодически запрещали, но GUD, меняя названия, регулярно возрождался, как феникс из пепла²⁶. Казалось бы, дочери Жан-Мари Ле Пена была прямая дорога в активисты Группы совместной обороны, но ее отношения с GUD складывались непросто. Она принимала участие в вечерних посиделках Группы в барах Латинского квартала, но не афишировала своих связей с GUD и отнюдь не разделяла ее идеологию. По воспоминаниям однокашников Ле Пен, она в то время вообще не имела ни определенных идеологических воззрений, ни какой-либо политической культуры.²⁷

И это несмотря на то, что в ряды партии своего отца она вступила в возрасте 18 лет (в 1986 г.) Тем не менее, именно на этих совместных «выходах» с активистами GUD Марин познакомилась с **Фредериком Шатийоном** – известным «заводилой» крайне правых акций, основателем ассоциации боевых искусств «**Молот Тора**». Впоследствии это знакомство еще сыграет важную роль – когда Марин возьмется за формирование своей команды.

Но в этот период своей жизни, хотя она и согласилась вступить в Национальный круг студентов Парижа (CNEP) – студенческое движение, близкое к Национальному Фронту, – политика интересовала ее гораздо меньше, чем возможность сделать карьеру адвоката. Марин окончила университет в 1990 г., затем поступила в Центр профессиональной подготовки адвокатов, блестяще сдав экзамены²⁸.

Даже такие крайне предвзято относящиеся к Марин авторы, как Фуре и Веннер, признают, что многие ее коллеги по адвокатуре, в том числе и левых взглядов, находили ее «симпатичной» и «трудолюбивой». Что, впрочем, не мешало другим коллегам выражать свое негодование тем, что «дочь того самого Ле Пена» учится с ними под одной крышей. Порой Марин приходилось сталкиваться с настоящей обструкцией: в столовой, например, молодые

---

²⁵ Le roman des sœurs Le Pen // France Soir, 18.04.11.

²⁶ Летом 2014 г. один из бывших активистов GUD, Андре Шанкю, организовал в Париже ассоциацию «Франция – Донбасс» и «коллектив Франция – Россия», проводившие митинги в поддержку Новороссии. Несколько членов GUD отправились на Донбасс воевать за независимость ДНР и ЛНР (http://www.liberation.fr/monde/2014/10/24/l-extreme-droite-tete-de-pont-dusoutien-a-moscou_1129071).

²⁷ Christiane Chombeau. Le Pen, fille & père. Paris: Ed. du Panama, 2007. P. 171.

²⁸ Во Франции кандидат на должность адвоката должен – после получения высшего юридического образования – сдать вступительные экзамены в одном из региональных центров профессиональной подготовки, проучиться там год, пройти стажировку и еще раз сдать экзамены.

адвокаты могли демонстративно пересестись за другой столик, только чтобы не обедать рядом с ней. Один из ее соучеников вспоминал: когда он в коридоре Центра обсуждал с Марин какую-то профессиональную проблему, экс-председатель студенческого союза подошел к ним и заявил: *«Я запрещаю тебе разговаривать с этой шлюхой!»*²⁹.

Травля, которой Марин подвергалась в школе, продолжалась и в адвокатском сообществе (сам университет Париж-Асса оказался счастливым исключением: в нем было много крайне правых студентов из GUD, да и некоторые преподаватели симпатизировали националистам). Казалось, профессиональная карьера для нее закрыта: не случайно ей настойчиво рекомендовали отказаться от участия в конкурсе на место секретаря судебного заседания: *«Из-за вашей фамилии у вас нет шансов добиться успеха в этом состязании»*. Впоследствии мы увидим, что в демократическом французском обществе даже простое членство в такой партии, как Национальный Фронт, могло послужить причиной увольнения университетских преподавателей права (случай Луи Альо). Но в адвокатуре, к счастью для Марин, царили другие законы: здесь более всего ценились ораторские таланты и дар убеждения. И тем, и другим Марин Ле Пен, несомненно, не была обделена. Одним из состязаний, в котором она проявила свои выдающиеся способности, был «процесс»... над Карлом IX – организатором Варфоломеевской ночи. На этом процессе Марин должна была защищать короля, обвиняемого в «преступлениях против человечности» и «нарушении ночной тишины». Это далось начинающему адвокату нелегко. *«Когда день настал, я почувствовала, что не могу произвести ни слова – так силен был мой страх»*, – вспоминала Марин в автобиографии³⁰. Но она преодолела свой страх и заняла второе место (из шести).

В январе 1992 г. Марин сдала очередные экзамены, защитила диплом DEA в области уголовного права и получила сертификат, позволяющий заниматься адвокатской деятельностью (CAPA). Став членом адвокатской коллегии Парижа, она некоторое время стажировалась в юридической конторе, где ей порой приходилось защищать права нелегальных иммигрантов и людей без документов, которые не могли нанять своего адвоката. Позже она вспоминала об этом не без гордости: будучи убежденной противницей засилья мигрантов во Франции, свои профессиональные обязанности Марин выполняла безупречно. Недаром ее отец в своих интервью повторял: у Марин много недостатков, но есть у нее одно достоинство, неизменное с детских лет – ответственность.

В 1993 г., в возрасте 25 лет, Марин в первый раз приняла участие в парламентских выборах, став кандидатом Национального Фронта в 16 округе Парижа, вотчине респектабельных правых, симпатизировавших Жаку Шираку. Победить ей, разумеется, не удалось, но и завоеванные 11,1 % голосов стали вполне достойным результатом для новичка. А в сердце Марин навсегда поселился азартный холодок политической гонки.

Марин проработала адвокатом в Париже шесть лет. В 1998 г. она завершила адвокатскую карьеру, возглавив юридический департамент партии своего отца. С тех пор вся ее жизнь была без остатка посвящена Национальному Фронту.

В 1998 г. Марин и Янн, «сестры-близнецы», приняли самое деятельное участие в проекте мужа Янн, Самуэля Марешаля, который задумал создать новую молодежную структуру Национального Фронта.

Самуэль Марешаль, сын пастора-пятидесятника, вступивший в НФ на год раньше Марин (в 1985 г.), женился на средней дочери президента партии в 1993 г. У него сложились прекрасные отношения со свояченицей (la belle-soeur), которая, используя свой юридический опыт, помогла ему оформить новое движение, получившее название Génération Le Pen – «Поколение Ле Пен». На тот момент молодежная организация НФ – Front National de la

²⁹ Christiane Chombeau. Le Pen, fille & père. P. 182.

³⁰ Marine Le Pen. A contre-flots. Paris: Grancher 2006. P. 150.

jeunesse – находилась в полумертвом состоянии. Ее подкосил раскол, произошедший в Национальном Фронте в 1998 г. по вине Бруно Мегре³¹. Среди активистов FNJ оказалось слишком много сторонников Мегре, многие из них ушли из движения вслед за своим кумиром, а лояльность оставшихся была сомнительна. Марешаль, возглавлявший FNJ с 1992 г., по-видимому, пришел к выводу, что в старом формате добиться оживления молодежного крыла невозможно. «Поколение Ле Пен» изначально задумывалось как более широкая и менее скованная партийной дисциплиной организация, к тому же свободная от «мегретистов». В ряды «Поколения» вступали молодые националисты, разделявшие идеологию «Третьего пути», – то есть находившиеся в оппозиции как к либерализму, так и к социализму, отвергавшие «тотальную американизацию» как в сфере политики, так и в сфере культуры. Одной из задач, которую они ставили перед собой, была защита национальной идентичности перед лицом напавшей на Францию глобализационной угрозы. Среди них было немало и тех, кто считал Мегре предателем.

«Поколение Ле Пен» стало площадкой, на которой Марин встречалась и завязывала полезные контакты с людьми, которые впоследствии станут ее верной армией для штурма руководящих партийных высот.

Филипп Руже, казначей «Молодежного Нацфронта», сторонник «Третьего пути». Жан-Эмиль Номе, журналист, писавший в правых и крайне правых СМИ, таких, как Minute, Présent и National Hebdo, о том, какую опасность представляют для французской идентичности «исламизация и американизация». Гийом Вузийо, член центрального комитета НФ и друг Луи Альо, молодого и многообещающего партийного функционера из Тулузы (в будущем он станет гражданским мужем Марин). И несколько выходцев из GUD – Тома Лаган и Фредерик Шатийон, знакомство с которым Марин свела еще в бытность студенткой факультета права университета Париж-Асса. У парней из GUD, в свою очередь, были друзья, которых они «подтянули» к новому движению, например, рок-музыкант Джек Маршал (вместе с Шатийоном и Лаганом написавший очень интересную книгу *«Чумные Крысы: история студентов-националистов 1965–1995 гг.»*). Отношения и связи, формировавшиеся в этот период вокруг Марин Ле Пен, были замечательны еще и тем, что зачастую выходили за рамки привычного «гетто» крайне правых групп. Например, упомянутый выше Джек Маршал был глубоко интегрирован в среду «рока французской идентичности» (RIF) – течения, которое было несравненно более широким, чем музыкальная субкультура националистов. А Фредерик Шатийон, несмотря на крайне правую ориентацию, поддерживал контакты с **Аленом Соралем** – известным французским писателем, социологом и кинорежиссером. До 1993 г. Сораль был членом Французской коммунистической партии, но впоследствии разочаровался в ФКП и перешел на консервативные позиции (в 2007 г. Сораль вступил в НФ, где сразу стал членом ЦК). Впоследствии Сораль и Шатийон основали политическую лево-консервативную ассоциацию **«Равенство и примирение»**, неоднократно выступавшую с поддержкой российской политики, в том числе, на Украине и на Балканах³².

Отношения Марин с Шатийоном были близкими и доверительными не в последнюю очередь потому, что Шатийон влюбился в подругу детства Марин, Мари д'Эрбе де Тун, впоследствии также работавшую в партийных структурах НФ (в частности, именно она вела видеоблог Ж.-М. Ле Пена «Бортовой журнал»)³³. Вскоре Шатийон и де Тун поженились.

³¹ О нем будет подробно рассказано в третьей главе.

³² Например: <http://www.egaliteetreconciliation.fr/Poutine-au-defile-militaire-a-Belgrade-Washington-irrite-28506.html#forum>; <http://www.egaliteetreconciliation.fr/L-Eurasie-centre-des-enjeux-entre-les-puissances33383.html>.

³³ После обострения конфликта между Жан-Мари Ле Пенем (почетным президентом партии) и нынешним руководством НФ в апреле 2015 г. Мари д'Эрбе де Тун заявила о своем выходе из партии, обвинив Луи Альо и Жильбера Коллара в заговоре с целью свержения патриарха. (<http://www.lesinrocks.com/2015/04/29/actualite/la-presentatrice-frontiste-marie-dherbais-quitte-le-fn-11745413/>).

Вся эта разношерстная компания держалась вместе не только благодаря организаторским способностям Самуэля Марешаля, но и благодаря харизме Марин Ле Пен. Довольно скоро ядро «Поколения Ле Пен» стало заметной политической силой внутри «Вселенной Национального Фронта» – и далеко не всем ветеранам движения это понравилось. В штаб-квартире НФ в Сен-Клу (довольно уродливом здании, неофициально звавшемся «Пакетбот») компанию Марин и ее друзей снисходительно именовали на английский лад «завсегдатаями ночных клубов» (night-clubbers). Один из старых соратников Ж.-М. Ле Пена, Жан-Клод Мартинес, отзывался о них так: *«Люди, сплотившиеся вокруг отца (Марин. – К. Б.), знали, что такое война, у них было свое видение мира... А эти не знали ничего, они были бессмысленными мальчишками и девочками, маленькими негодьями»*³⁴.

Нравы в компании «завсегдатаев ночных клубов» царили весьма свободные. *«„Фронт“ – это контробщество, где все спят со всеми»*, – язвительно замечал барон Лоран де Сент-Африк, автор знаменитой книги-разоблачения **«В тени Ле Пена»** (*Dans l'ombre de Le Pen*, Paris: Natchette Littérature, 1998). Так это или нет, но браки среди партийных активистов действительно были делом не просто обычным, но само собой разумеющимся: удивление, скорее, вызывали единичные случаи, когда кто-то из обитателей «Вселенной Национального Фронта» выходил замуж или женился на человеке со стороны.

В 1997 г. Марин вышла замуж в первый раз – за предпринимателя Фрэнка Шоффруа, поддерживавшего НФ (в том числе, и финансово). Брак этот продержался недолго – до 1999 г., но в нем у Марин родилось трое детей (в мае 1998 г. Жеанна, а в следующем году близнецы Луи и Матильда) – все они были крещены в традиционалистской католической церкви Святого Николая в Шардонне³⁵. Шоффруа был, мягко говоря, сложным человеком, всегда державшим под рукой пистолет и легко выходившим из себя. Инициатором развода была, по-видимому, Марин – по крайней мере, существует версия, что в семейную ссору, разгоревшуюся после того, как она объявила о своем намерении уйти от Шоффруа, вынуждена была вмешаться полиция, прибывшая, чтобы *«успокоить разъяренного мужа»*³⁶.

В 2002 г. Марин вновь вышла замуж, за Эрика Йорио, советника НФ в регионе Па-де-Кале. Этот брак продержался чуть дольше – до 2006 г. После развода Йорио ушел со всех постов в Национальном Фронте и исчез с политического горизонта.

За фасадом довольно бурной личной жизни Марин протекала и другая, не менее динамичная и наполненная событиями. Она пыталась продвигаться по карьерной лестнице в партии своего отца – но это получалось у нее с переменным успехом (во всяком случае, в начале). В 1997 г. ее не избрали в состав ЦК партии на съезде в Страсбурге. Но тот съезд вообще был неудачным для Ж.-М. Ле Пена: в партии набирали силу сторонники Бруно Мегре, который уже не особенно скрывал свое желание сместить старого вождя и самому стать во главе НФ. Именно «мегретисты» забаллотировали кандидатуру Марин: впрочем, возможно, в данном случае к стремлению ограничить всевластие семьи Ле Пен примешивалась еще и ревность. Как утверждают Фуре и Веннер, за кулисами съезда ее избранию активно противился Филипп Оливье – муж старшей сестры Марин, верный сторонник Мегре. По его мнению, лишь одна из дочерей Ле Пена была достойна занять место в ЦК партии – жена самого Оливье, Мари-Каролин³⁷.

³⁴ Интервью с Ж.-К. Мартинесом, цит. по: Caroline Fourest, Fiametta Venner. *Marine Le Pen démasquée*. Paris: Grasset, 2012. P. 107.

³⁵ Церковь Сен-Николя-дю-Шардонне была захвачена в 1977 г. Отрядом католиков-традиционалистов и превращена в центр богослужения движения лефевристов (не признающих решения Второго Ватиканского собора). В захвате церкви принимал участие нынешний казначей НФ Валлеран де Сен-Жюст, о котором будет подробно рассказано в четвертой главе.

³⁶ Christiane Chombeau. *Le Pen, fille & père*. P. 194.

³⁷ Caroline Fourest, Fiametta Venner. *Marine Le Pen démasquée*. P. 109.

Результаты голосования стали для Марин настоящим ударом. Партия, которую она привыкла воспринимать как одну большую семью, повернулась к ней другой, неприглядной стороной, представ настоящим «террариумом единомышленников» – конгломератом борющихся за власть и влияние групп и фракций, в котором против нее готовы были выступить даже близкие родственники. Впрочем, история эта повлияла не только на нее, но и на ее отца, Жан-Мари Ле Пена, который со все большим подозрением наблюдал за эволюцией своей старшей дочери. Нет никаких оснований считать (как это делают Фуре и Веннер), что Ле Пен-старший до событий 1998 г. прочил в свои преемницы Мари-Каролин. Но то, что раскол, произошедший в партии в 1998 г., заставил его пересмотреть свое отношение к младшей дочери, – не вызывает сомнений.

Впрочем, прежде чем повести речь о расколе 1998 г. и попытке Бруно Мегре захватить власть в партии, необходимо рассказать о том, что же представлял собой Национальный Фронт. А для этого придется заглянуть на тридцать лет назад, в то время, когда в Нейи-сюр-Сен родилась героиня нашей книги, а на улицах Парижа гремели выстрелы и пламенели огненные цветы «коктейлей Молотова».

Глава вторая

«Время дубинок и железной руки»: рождение НФ

Вряд ли будет сильным преувеличением сказать, что партия Национальный Фронт стала детищем «революции» 1968 г. Точнее можно выразиться так: не будь в истории Пятой Республики 1968 г., не было бы и Национального Фронта.

Майские уличные бои между левацкими студенческими организациями, такими, как «Движение 22 марта», «Революционная коммунистическая молодежь», «Союз марксистско-ленинской коммунистической молодежи» и ультраправым крылом студенчества выдвинули в первые ряды крайне правых экстремистские группы, принципиально не признававшие парламентских методов борьбы. Среди них выделялись группировки «Запад» (L'Occident) и «Служба гражданских действий» – чисто боевая организация, созданная для охраны митингов правых партий и превратившаяся со временем в полувоенное формирование. Активисты «Запада» увлеченно дрались с левыми, особенно во время акций в поддержку народа Вьетнама. СГД занималась более серьезными делами: торговала оружием, принимала заказы на устранение профсоюзных лидеров, участвовала в подавлении забастовок. В студенческой среде также существовали десятки мелких ультраправых объединений, но все они были разобщены и аморфны. Разногласия между ними были весьма велики, и ни о какой общей идеологической платформе, на которой бы их лидеры могли объединиться, чтобы начать настоящую политическую борьбу, речи, конечно, не шло.

Что, в самом деле, общего могло быть у гангстеров из СГД, неонацистов «Запада» и традиционалистов из группы «За молодую Европу» или проповедовавшими идеологию «третьего пути» консервативными революционерами из группы «Метро-Молодежь»? У «Французского дела» (l'Europe française), руководитель которого – Пьер Сидо – был ультраколониалистом, ратовавшим за возвращение Алжира и других отпавших от метрополии «заморских территорий» – и «Национальной реставрации», преемницы «Аксьон Франсез», наследницы идей **Шарля Морраса**? Объединяла их разве что неприязнь к левым, но и то с оговорками. Ведь были и такие поборники «Третьего пути», как аспирант Института Политических Наук Жан-Жиль Мальяракис, издававший еженедельник «Аксьон Насьоналист», на страницах которого печатались авторы, утверждавшие, что враг номер один – это Соединенные Штаты и правящая там еврейская плутократия, а единственная правильная модель общества – «ни трестов, ни Советов» (ni Trust, ni Soviets). Мальяракис по мере своих скромных сил боролся с масонами (в которых видел замаскированных троцкистов), но при этом не жаловал и консерваторов. В его идеологии причудливо сплетались идеалы Великой французской революции, национал-синдикализма и даже неосоциализма. При всем том Мальяракис считал себя ультраправым и впоследствии на недолгое время примкнул к Жан-Мари Ле Пену.

Весь этот разношерстный конгломерат имел куда больше точек отталкивания, нежели соприкосновения, и подходил под единое имя крайне правой лишь постольку, поскольку ни на одном другом фланге политического спектра места для его компонентов больше не было. Однако входившие в него группировки находились в постоянном движении и развитии, и именно из этой питательной среды под влиянием кризиса 1968 г. и появился в конечном итоге гомункулус Национального Фронта.

Поражение генерала де Голля на референдуме 1969 г. означало вступление Франции в полосу относительной внутренней дестабилизации, в кратковременный, но яркий период повышенной активности экстремистских движений, самый могущественный противник которых добровольно сложил с себя президентские полномочия.

«То было время дубинок и железной руки, – писал журналист Le Monde Ален Ролла, – время последних бойцов ОАС, продолжавших свою алжирскую войну на земле метрополии, где они охотились на выходцев из Северной Африки»³⁸.

28 апреля 1969 г. генерал де Голль объявил о своей отставке. С 28 мая по 27 сентября только в Париже и его пригородах было совершено пятнадцать нападений на маленькие кафе, принадлежавшие североафриканцам, или на общежития, где жили алжирские рабочие. Проблема иммигрантов из Алжира и других бывших колоний впервые стала одной из самых болезненных в политической жизни страны. В это же время подняли голову многочисленные неонацистские группировки: на стенах Латинского квартала появлялись надписи вроде «*Слишком много евреев! Гитлер был прав*». На парижском Marché aux Puces большим спросом стали пользоваться старая униформа СС и эмблемы со свастикой.

В это же время в рядах крайне правых произошли важные структурные изменения. 31 октября 1968 г. специальным правительственным декретом была распущена группировка «Запад». Однако некоторые активисты и бывшие руководители «Запада», в частности, историк **Франсуа Дюпра**³⁹, ученик и сподвижник **Мориса Бардеша**, сотрудничавший в его журнале «Защита Запада», выступили с инициативой создания новой организации – идейного центра пестрого конгломерата ультраправых движений. Такой организацией стала созданная 15 декабря 1969 г. группа «Новый порядок» («*Ordre Nouveau*»), собравшая под своими знаменами около 5000 сторонников, главным образом, молодежь. Очень скоро «Новый порядок», у которого были отделения в Париже, Лионе, Ницце и Марселе, объединил вокруг себя наиболее активные круги ультраправого студенчества.

Но «Новый порядок» не был лишь усовершенствованным «Западом» – в него вошли и некоторые бывшие аппаратчики Комитета в поддержку **Тиксье-Виньянкура**, и последователи **Дорио**, и монархисты из «Аксон Франсез», и бывшие ОАСовцы вроде редактора издания Minute Франсуа Бриньо. Одним из самых энергичных и амбициозных активистов, вступивших в ряды «Нового порядка» в эти дни, был бывший член Комитета в поддержку Тиксье-Виньянкура, руководитель его избирательного штаба, Жан-Мари Ле Пен.

В 1969 г. Жан-Мари Ле Пену исполнился сорок один год. За плечами у него была богатая событиями биография, включавшая в себя два года службы в Иностранном легионе (он служил во Вьетнаме, но в боевых действиях принять участия не успел – гарнизон Дьен-бьенфу капитулировал в тот момент, когда Ле Пен закончил четырехмесячный курс подготовки в школе офицерского резерва в Сен-Мексе). В Париж Жан-Мари Ле Пен, тем не менее, вернулся героем. «Его индокитайская кампания, его звание лейтенанта, его зеленый берет завоевали ему уважение со стороны многих студентов Сорбонны», – пишет А. Ролла. Если до службы в Иностранном легионе «потолком» карьеры Жана-Мари был пост президента Корпорации студентов права (с которого он, впрочем, был смещен после скандала), то теперь он замахнулся на большую политику. Ле Пен облюбовал популярный у обитателей Латинского квартала бар «Пантеон», где регулярно выступал с речами, обличающими бывшего премьер-министра Франции Пьера Мендес-Франса за «капитулянтское» прекращение войны в Индокитае.

На почве неприязни к Мендес-Франсу Ле Пен сошелся с Пьером Пужадом – звездой французской ультраправой политики пятидесятых. Пужад, президент Союза в защиту торговцев и ремесленников, был стихийным буржуазным революционером: он сделал себе имя, защищая «маленького человека» от всевластия государства. Пужадизм разрастался, как снежный ком: программа Пужада, привлекавшая на его сторону тысячи мелких буржуа,

³⁸ Rollat A. Les hommes de l'extrême droite: Le Pen, Marie, Ortiz et les autres. Paris, 1985. P. 48.

³⁹ Формально в 1968 г. Дюпра уже не входил в руководящее звено «Запада», поскольку годом раньше был исключен из движения как вероятный полицейский осведомитель (Frédéric Charpier. Génération Occident: de l'extrême droite à la droite. Paris, 2005).

ремесленников, лавочников, предпринимателей, очень скоро переросла свои первоначальные рамки борьбы с «налоговой инквизицией». Пужад требовал пересмотра конституции и сохранения колониальной империи, передачи национализированных предприятий частному капиталу, контроля над профсоюзами, «наведения порядка» в стране. Яркой чертой движения Пужада был откровенный антипарламентаризм: Национальное собрание Пужад, не стесняясь, называл «самым большим борделем в стране». Вместо «слабого» и «социалистического» парламента он хотел вернуть Генеральные Штаты образца 1789 г. Более того – созыв таких Штатов во всех областях, охватывающих все социо-профессиональные группы, где народ мог бы свободно выражать свои чаяния, должен был стать днем рождения новой «народной республики».

Жан-Мари Ле Пен был очарован идеями Пужада. Особенно ему нравилась критика Мендес-Франса (про которого Пужад говорил, что «у этого политика с Францией нет ничего общего, если не считать второго имени») и колониальные притязания президента Союза в защиту торговцев и ремесленников. Ле Пен вступил в движение Пужада и на парламентских выборах 1956 г. был избран депутатом Национального собрания от департамента Сена. Двадцативосьмилетний бывший «зеленый берет» стал самым молодым депутатом Национальной Ассамблеи, а вскоре и президентом фракции пужадистов. Но вскоре Ле Пен разочаровался в Пужаде: стало ясно, что несмотря на угрозы последнего «пустить в ход большую метлу», его движение не располагает достаточными средствами, чтобы вести серьезную парламентскую борьбу (еще бы, с таким отношением к Национальному собранию!) Когда же Пужад выступил против вмешательства Франции в Суэцкий конфликт, Ле Пен демонстративно вышел из его Союза, ставшего, по его словам, «партией обещаний», и уехал в Египет – сражаться.

И вновь судьба посмеялась над Ле Пенем: он попал в Египет спустя день после того, как под давлением СССР и США было заключено соглашение о прекращении огня. Однако рядом, в Алжире, бурлил котел еще одной войны, и в 1957 г. Жан-Мари отправился туда. До мая 1957 г. он был офицером разведки 10-й парашютно-десантной дивизии и занимался оперативным выявлением и нейтрализацией законспирированной сети боевых организаций Фронта национального освобождения (ФНО).

(Позже левые журналисты попытаются обвинить Жан-Мари Ле Пена в том, что во время службы в разведке он применял к пленным бойцам ФНО «недопустимые меры воздействия», или, проще говоря, пытал их. Журналист газеты *Libération* провел в Алжире несколько месяцев, пытаясь раскопать улики, доказывающие причастность Ле Пена к убийству пленных⁴⁰. Однако доказать ничего не удалось: адвокаты Жан-Мари Ле Пена разгромили журналистов наголову, и газета была вынуждена выплатить лидеру НФ компенсацию за моральный ущерб.)

Вернувшись из Алжира, Ле Пен снова пробует себя в политике. Он организует Национальный Фронт ветеранов – объединение бывших «зеленых беретов», ратующих за сохранение Алжира в составе Франции. Это любопытный эпизод в биографии отца нашей главной героини – хотя бы потому, что «береты» организовали большое турне по всей Франции, собирая подписи в поддержку идеи французского Алжира и интеграции североафриканских мусульман... в единую национальную общность! Лозунгом этой кампании было «Все едины от Дюнкерка до Таманрассета» (город-оазис на юге Алжира. – К. Б.)⁴¹. Движение «За французский Алжир» было попыткой противопоставить «плохим парням» из ФНО «хороших арабов», ратававших за сохранение колониального статуса своей родины. Одним из таких «хороших арабов» был алжирец Ахмед Джеббур, студент Коммерческой школы, утверждав-

⁴⁰ *Libération*, 12.02.1985.

⁴¹ Mauge R. *La vérité sur J.-M. Le Pen*. Paris, 1988. P. 153.

ший, что в качестве колонии высокоразвитой Франции Алжир добьется больших успехов, чем развиваясь самостоятельно. На одном из митингов в поддержку Джеббура выступавшего с речью Ле Пена сбросил с трибуны один из его бывших «братьев по оружию» – зеленый берет из Иностранного легиона. В последовавшей стычке будущему лидеру Национального Фронта повредили глаз, после чего он несколько лет вынужден был носить черную повязку. Таким образом, Жан-Мари Ле Пен пострадал за поддержку иммигранта-алжирца – спустя двадцать лет это будет казаться жестокой иронией.

История с Джеббуром имела продолжение, важное для понимания идеологических особенностей Национального Фронта. Несколько месяцев спустя Джеббур был ранен в Латинском квартале Парижа террористом из ФНО. Здоровье он поправлял, скрываясь у матери Ле Пена, в Трините-сюр-Мер в Нормандии, а дочь его, Сорайя Джеббур, впоследствии стала видным активистом НФ и входила в Региональный совет партии по региону Иль-де-Франс. Апологеты Ле Пена часто приводили этот пример, защищаясь от обвинений в «биологическом расизме»⁴².

Последующие события (путч 13 мая 1958 г., «неделя баррикад» в январе 1960, «заговор генералов» в апреле 1961 г.) во многом сформировали политическую позицию Ле Пена. Он никогда не испытывал горячей симпатии к Салану (по-видимому, еще и потому, что алжирские генералы отнеслись к горевшему энтузиазмом «зеленому берету» совсем не так, как ему бы хотелось), но и второй группе заговорщиков, во главе которых стоял бывший генерал-губернатор Алжира **Жак Сустель**, тоже не симпатизировал: для него эта группа была слишком «проголлистской». Предоставление Алжиру независимости оттолкнуло от генерала де Голля многих его преданных сторонников. Что уж и говорить о Ле Пене, который никогда в любви к де Голлю замечен не был. К тому же вскоре он лишился своего депутатского мандата, проиграв на выборах кандидату от левых голлистов Р. Капитану.

Тем не менее, в политику Ле Пен решил вернуться на плечах адвоката алжирских путчистов Жана-Луи Тиксье-Виньянкура. Кандидат ультраправых Тиксье-Виньянкур надеялся нанести поражение де Голлю в ходе президентских выборов 1965 г. Уже разгромлена была ОАС, но еще жива была память о резне в Оране⁴³, всего два года назад был казнен организатор покушения на де Голля подполковник Бастьен-Тири. Шансы его защитника, бывшего главного пропагандиста режима Виши – Тиксье-Виньянкура – на победу казались достаточно серьезными. Ле Пен, возглавивший избирательный штаб Тиксье-Виньянкура, пытался сплотить разнородные (и порой ненавидевшие друг друга) группы и движения в единую крупную партию. Это была первая его попытка создать серьезную парламентскую крайне правую партию, способную конкурировать с партиями политического мейнстрима; и надо признать, попытка неудачная. Несмотря на шумную предвыборную кампанию, которую Ле Пен выстроил по американскому образцу, Тиксье-Виньянкур набрал лишь 5,27 % голосов и во втором туре поддержал Франсуа Миттерана. Ле Пен немедленно вышел из Комитета в поддержку Тиксье-Виньянкура: хоть он и был убежденным антиголлистом, но все же не до такой степени, чтобы предпочесть генералу кандидата левых сил Миттерана⁴⁴.

Одновременно с поражением Тиксье-Виньянкура у Ле Пена возникли проблемы иного характера. Помимо политической деятельности, бывший «зеленый берет» занимался бизнесом: вместе со старым другом и компаньоном Пьером Дюраном он владел небольшой фир-

⁴² Там же. Р. 157.

⁴³ В июне 1962 г. в населенном преимущественно европейцами алжирском порту Оран боевики Армии народного освобождения – вооруженного крыла ФНО – напали на мирных жителей и вырезали несколько тысяч человек (согласно последним исследованиям, более 3500). В ряде случаев убийства сопровождались жестокими пытками.

⁴⁴ Франсуа Миттеран в этот период не входил ни в одну из партий, но его кандидатура была поддержана всеми левыми силами страны (Французской секцией Рабочего интернационала – предшественницей нынешней Социалистической партии Франции, Компартией Франции, Радикал-социалистами и Объединенной Социалистической партией).

мой, называвшейся «Общество изучения общественных связей». Название, впрочем, только вводило в заблуждение, поскольку фирма выпускала пластинки с записями военных маршей и песен различных политических движений. Среди них были такие пластинки, как «Песни анархистов», «Ленин и Народные комиссары», «Песни немецкой революции: люди и факты III Рейха». В аннотации к последней было сказано, что *«приход к власти Гитлера характеризовался мощным демократическим и народным движением»*. Левые журналисты углядели в этом попытку реабилитации нацизма, Ле Пена привлекли к суду и приговорили к двухмесячному тюремному заключению и денежному штрафу за пропаганду фашистских идей. Пикантность этой истории заключается в том, что, по уверениям биографов Ле Пена, скандальный текст на обложке «Песен немецкой революции» принадлежал вовсе не Жану-Мари, а еще одному его компаньону, Сержу Женере, позже ставшему видным деятелем голлистского Объединения в поддержку Республики⁴⁵.

Крайне правые, попытавшиеся было объединиться вокруг Комитета в поддержку Тиксье-Виньянкура, вновь распались на многочисленные соперничающие группы. Мечте Ле Пена о создании единой мощной ультраправой партии, казалось, не суждено было сбыться. От предложения сотрудничать с голлистами, которые по достоинству оценили его организаторские и ораторские способности, Жан-Мари отказался. Позже, в книге **«Французы прежде всего»** Ле Пен писал, что *«предпочитал оставаться самим собой, Ле Пенем, играющим только за себя, пусть и с минимальными шансами на успех»*. И, потерпев поражение, он стоически продолжал свой *«переход через пустыню»*⁴⁶.

Переход через пустыню закончился в 1972 году, когда Жан-Мари Ле Пену предложили принять участие в проекте, получившем название **«Национальный Фронт»**.

Вопреки распространенному мифу о том, что Национальный Фронт был создан Жан-Мари Ле Пенем (мифу, к популяризации которого приложила руку официальная партийная пропаганда), действительность была на порядок сложнее.

Фактически Национальный Фронт сформировался вокруг организационного ядра группировки «Новый порядок», о котором говорилось в начале этой главы. Между 1969 и 1972 годами «Новый порядок» стал самой крупной ультраправой организацией Франции. Во многом этому способствовал приход в его ряды опытных аппаратчиков из «Комитета в поддержку Тиксье-Виньянкура», один из которых – адвокат Жан Франсуа Гальвэр – стал первым руководителем организации. Через него был налажен контакт с образовавшимся на руинах Комитета движением Республиканский Альянс за свободу и прогресс (ARLP). Позже Гальвэр был смещен со своего поста гораздо более радикальной группой, во главе которой стоял **Ален Робер** – студент факультета права и лидер бойцов из Группы объединенных правых.

Частично переняв у «Запада» методику ведения борьбы, «Новый порядок» все же значительно реже использовал «тактику прямого действия». Об отказе от уличных акций речь, конечно, не шла: организация имела в своем распоряжении мобильные отряды боевиков, вооруженных дубинками и железными прутами. Но хотя на счету у «Нового порядка» были такие инциденты, как побоище у Версальских ворот, учиненное в марте 1971 г., опыт запрещенного правительством «Запада» кое-чему научил даже таких экстремистов, как Ален Робер. Поэтому активисты «Нового порядка» стремились организовывать шумные, но бескровные акции (одной из них стала манифестация протеста против визита во Францию Л. И. Брежнева 25 октября 1971 г.)

Но самым главным отличием «Нового порядка» было стремление привести свою идеологию хоть в какую-то систему. Правда, следует признать, что попытки эти не всегда были успешными. «Новый порядок» экспериментировал с отдельными элементами европейских

⁴⁵ Mauge R. La vérité sur J.-M. Le Pen. P. 185.

⁴⁶ Le Pen, J.-M. Les Français d'abord. Paris, 1984. P. 51.

фашистских и национал-социалистических систем. Руководители «Нового порядка» неоднократно подчеркивали, что ориентируются на итальянскую партию «Итальянское социальное движение» **Джиорджо Альмиранте**, организовавшую массовые демонстрации и акции протеста⁴⁷. Поддерживали они тесные связи и с немецкой Национал-демократической партией ФРГ. Интересно, что, как и НДП, «Новый порядок» выступал за создание единой Европы, «от Атлантики до порогов Востока», Европы, свободной от иностранной гегемонии – как американской, так и советской.

В конце 1970 г. руководство «Нового порядка» выпустило брошюру «Революция 1970 г. – основные линии современного националистического решения», в котором излагались цели нового «идеалистического и экстремистского государства»⁴⁸. Среди прочего, это государство должно было «запретить опасные и антисемейные идейные течения» и организовывать для молодежи (начиная с десятилетнего возраста) специальные курсы военной подготовки. Отмечалось, что общество, которое стремится построить «Новый порядок», отличается от фашистского, поскольку в нем не будет смешения между государством, партией и человеком (что бы это ни значило. – *К. Б.*). В этом новом обществе «иерархии заслуг» будет отдаваться предпочтение перед корпоративной организацией, то есть общество будет, скорее, меритократическим, нежели тоталитарным. В заключение авторы брошюры заверяли читателя, что над их теоретическими поисками «продолжают витать идеи Хосе Антонио Примо де Риверы»⁴⁹.

Таким образом, идеология «Нового порядка» представляла собой своего рода «ирландское рагу», в котором радикальные лозунги социальной справедливости соседствовали с традиционными и консервативными требованиями восстановления семейных ценностей и «иерархии заслуг», и все это надлежало осуществить в рамках «экстремистского государства». Эта эклектика во многом была обусловлена сосуществованием на платформе «Нового порядка» весьма разнородных элементов крайне правого фланга французской политики, которым подчас было очень не просто достичь компромисса.

Идеологическая слабость «Нового порядка» стала одной из причин поражения организации на первых же выборах, в которых она приняла участие, несмотря на ярко выраженный антипарламентаризм некоторых своих лидеров. Это были муниципальные выборы 1971 г. В 14 районах Парижа за «Новый порядок» проголосовало около 20.000 человек – капля в море для более чем двухмиллионного города. Учитывая тяжелые для ультраправых 60-е годы, это было, пожалуй, не совсем безнадежно – но лидеры «Нового порядка» рассчитывали на большее. Именно тогда им стало ясно, что без полноценной политической партии, созданной по примеру партий мейнстрима, шансов на успех у крайне правых нет. А это было досадно, потому что идеи крайне правых находили отклик в обществе; вот только без эффективной организационной машины конвертировать их в политический капитал не было никакой возможности. Решение о создании «революционной националистической партии» было принято на 2-м съезде «Нового порядка», проходившего в Париже 10–11 июня 1972 г.

Строго говоря, с этого дня и начал отсчитывать свою историю «Национальный Фронт». Недоверие к мейнстримным партиям среди крайне правых было слишком велико – в проекте отказались участвовать такие организации, как «Национальная реставрация», чей лидер Пьер Жюэль принципиально отвергал парламентские методы ведения политической борьбы. Не приняли предложения «Нового порядка» и интеллектуалы, называвшие себя

⁴⁷ В 90-е годы «Итальянское социальное движение» превратилось в «Национальный альянс», а ее лидер Джанфранко Фини стал одним из ключевых политиков не только в Италии, но и на европейском континенте.

⁴⁸ Le Monde, 15.11.1970.

⁴⁹ Там же.

«новыми правыми» и основавшие три года спустя «Группу изысканий и исследования европейской цивилизации» (GRECE).

Зато в рядах бывших членов «Комитета в поддержку Тиксье-Виньянкура» призыв к созданию новой партии нашел самую горячую поддержку. На переговоры с «Новым порядком» пошли две организации, наследовавшие Комитету: уже упоминавшийся «Республиканский Альянс за свободу и прогресс», стоявший на антиголлистских позициях, и «Движение молодой революции», сколоченное капитаном **Сержаном** из остатков группы ОАС-Метро-Молодежь⁵⁰. К «Движению молодой революции» были близки католики-интегрисы, выступавшие против обновленческих идей Второго Ватиканского собора. Из рядов «Движения» вышли, в частности, Р. Мари, **Жан-Пьер Стирбуа** и Мишель Коллино, которые впоследствии стали видными деятелями НФ.

Переговоры между всеми этими группами и политическими лидерами ультраправых завершились созданием партии, получившей название Национальный Фронт. У этой партии было «три источника, три составные части», представлявшие различные идейные течения французской крайне правой. Во-первых, это были националистические группы экстремистского толка («Новый порядок», бывший наследником группы «Запад»). Во-вторых, консерваторы-антиголлисты, многие из которых испытывали сильный рессентимент из-за потери Алжира и других колоний (ARLP, выросший из обломков Комитета в поддержку Тиксье-Виньянкура, некоторые дочерние группы ОАС). В-третьих, это были молодые интеллектуалы, солидаристы-интегрисы («Движение молодой революции», «Группа молодежного действия», католики-интегрисы). Новая партия, названная «Национальный Фронт за французское единство», FNUF), была окончательно утверждена 5 октября 1972 г. на собрании, в котором участвовало около 70 представителей крайне правых групп и движений. Зарегистрирована же партия была три недели спустя, 27 октября, и тогда же ее главой (президентом) был утвержден Жан-Мари Ле Пен, представитель консервативного крыла.

Инициатива создания Национального Фронта, таким образом, принадлежала «Новому порядку», а Жан-Мари Ле Пену, в известном смысле, предложили прийти уже «на готовенькое», – на что он, впрочем, охотно откликнулся. Почти сразу же стало ясно, что взгляды Ле Пена на то, какой должна быть новая партия, во многом расходились с позицией лидеров «Нового порядка». В отличие от демагогов «Нового порядка», желавших видеть в членах Национального Фронта «бойцов Революционной Битвы», поднаторевший в политических баталиях Ле Пен ратовал за парламентаризм, призывая к расширению системной политической деятельности и ссылаясь на пример Итальянского социального движения и даже Муссолини⁵¹.

*«Мы не говорим больше – власть в дулах винтовок», – заявлял он, явно намекая на «Красный цитатник» Мао, – «мы говорим: Власть находится в избирательных урнах».*⁵²

Созданная из рыхлого конгломерата националистических групп и экстремистских движений, партия на первых порах не имела своей четкой программы. Полученную «из избирательных урн» власть предполагалось использовать «не для личного стремления к могуществу, а для спасения Нации». Для этого было необходимо установить Новый порядок (в широком смысле этого слова), низложить «прогнивший режим» и разогнать «его слуг», преобразовать рухнувшее под тяжестью пороков общество «с фундамента до крыши» и постро-

⁵⁰ Эта группа проповедовала «Третий путь» между капитализмом и социализмом, классовый мир, корпоративный синдикализм и отказ от традиционной политической партийной системы.

⁵¹ Не случайно символ НФ – трехцветное пламя – копировал (отличаясь лишь цветами) символ Итальянского социального движения.

⁵² Pour un Ordre nouveau, Paris, 1972. P. 8.

ить новый мир, который описывался в крайне общих выражениях – мир красоты, мужества, справедливости и «свободной эксплуатации»⁵³.

По контрасту с расплывчатыми, утопическими целями НФ принципы, на которых строилась новая партия, были сформулированы предельно конкретно: координация деятельности различных групп крайне правых, быстрое реагирование на появляющиеся «привлекательные инициативы ансамбля соединенных сил» вне зависимости от того, какая партия или движение их рождало, и, наконец, обеспечение по-настоящему массовой базы для националистического движения. Именно ориентация на широкое народное движение заставила Жан-Мари Ле Пена объявить беспощадную войну всякому сектантству, которым НФ был заражен, словно стафилококком, с самых первых дней своего существования.

Девизом Национального Фронта в это время был лозунг Ле Пена: *«Все, что национальное – наше!»* Ряды движения пополнялись *«классическими националистами, бывшими ветеранами Алжира, старыми добрыми католиками, обеспокоенными тем, что они видели своих кюре заключающих браки»⁵⁴ и епископов, голосующих за социалистов... студентами, в которых при виде разнузданности леваков, засилья наркотиков и марксистской пропаганды в лицах просыпались патриотические чувства»⁵⁵.*

Однако поначалу курс, взятый Жан-Мари Ле Пенем на создание массового движения, встречал противодействие со стороны лидеров «Нового порядка», имевших сильные позиции в центральном политическом бюро Национального Фронта. Всего в политбюро НФ было шесть человек: президент партии Жан-Мари Ле Пен, вице-президент Франсуа Бринье, генеральный секретарь партии Ален Робер, казначей Пьер Буке, помощник казначея Роже Олендр и помощник генерального секретаря Пьер Дюран. Распределение постов отражало подковерную борьбу между «консерваторами» и «экстремистами». Президента партии держали под контролем представители «Нового порядка» Робер и Бринье, чью свободу действий, в свою очередь, ограничивали старый друг Ле Пена Пьер Дюран и соратник Роже Олендр (бывший начальник службы безопасности Комитета Тиксье-Виньянкура).

Лидеры «Нового порядка» пытались использовать Ле Пена в своих целях, манипулировать им, рассчитывая, что в случае необходимости легко избавятся от него, как избавились уже от бывшего руководителя НП Жана-Франсуа Гальвэра. Но тут, что называется, нашла коса на камень.

Ле Пен отдавал себе отчет, что, пока он остается в статусе «приглашенного руководителя», позиции его в партии весьма непрочны. Укрепить же свое положение он мог лишь одним способом – получить как можно больше голосов на выборах. И поскольку основной задачей Ле Пена было завоевание электората, он всеми силами старался придать НФ облик, резко отличающийся от одиозных группировок «Запад» или «Новый порядок». Для этого нужно было отказаться от крайних методов насилия и террора, которые компрометировали крайне правые организации в глазах избирателя.

---

⁵³ Там же. Р. 11.

⁵⁴ Еще традиционные! Тем не менее, для католиков нарушение целибата представителями духовенства тоже серьезное потрясение основ.

⁵⁵ Mauge R. La vérité sur J.-M. Le Pen. Р. 190.

Путь к успеху

В 1972 г. в своей первой программе Национальный Фронт объявил себя «социальной, народной и национальной правой партией», призванной найти альтернативу как голлизму, так и коммунизму и проложить третий путь «между классовой борьбой и господством монополий». По словам французского политолога Ж.-И. Камо, эта программа была следствием компромисса между националистами-революционерами и консерваторами⁵⁶.

В дальнейшем влияние «националистов-революционеров», иными словами, экстремистов ультраправого толка, в партии неуклонно сокращалось, а влияние консерваторов, наоборот, росло. Но первые шаги НФ еще отмечены некоторой двойственностью: в первой его программе, например, лишь мельком упомянуты два сюжета, которые очень скоро станут ключевыми для идеологии партии: иммиграция и ситуация с рождаемостью. Иммиграция вообще упоминалась постольку, поскольку она наносила вред здоровью французской нации. Никаких указаний на связь между иммиграцией и безработицей – главная тема пропагандистской машины НФ в течение последующих десятилетий – в этом документе не найти. Французские политологи объясняют это влиянием идеологов «Нового порядка», которые никогда не придавали проблеме иммиграции слишком большого значения⁵⁷.

Лозунгами НФ в это время были – «Прогоним воров от кормила государства» и «Препградим дорогу Народному Фронту». Выступая на многочисленных митингах по всей Франции, Ле Пен неизменно подчеркивал, что НФ будет действовать только законным путем, что его цель – борьба с коммунизмом, ослабление голлистов и правящего большинства.

Однако стремление президента НФ к респектабельности и его приверженность исключительно парламентским методам борьбы не на шутку раздражали лидеров «Нового порядка» (в первую очередь Алена Робера), мечтавших о создании массовой неонацистской партии. Ле Пен, в свою очередь, был недоволен экстремистскими замашками генерального секретаря партии и ее вице-президента, отпугивавшими широкие массы избирателей от Национального Фронта. То, что эти опасения были небеспочвенны, подтвердилось на первых же выборах, в которых участвовал НФ: парламентских выборах в марте 1973 г. На них Национальный Фронт с трудом набрал 1,3 % голосов в среднем по стране. Сам Ле Пен получил в 15-м округе Парижа 5,2 % голосов, и это стало высшим достижением новой партии в ходе выборов 1973 г. Крайне правые напугали избирателей и остались маргинальным движением⁵⁸.

Поражение на выборах усилило наметившийся раскол в руководстве Национального Фронта. Робер и его сподвижники из «Нового порядка» требовали возвращения к «жесткой и чистой» изоляции и освобождения от рыхлого и бесполезного, по их мнению, балласта. В противоположность им Ле Пен обращался к «священному союзу» правых – националистам, последователям Шарля Морраса, католикам-интегрисам: «Воздвигнем вместе дворец Взаимопомощи!» На третьем съезде НФ (1973 г.) группа сторонников «Нового порядка» оказалась в меньшинстве; значительную роль в этом сыграло решение Ф. Дюпра и А. Рено поддерживать политику сплоченности и объединения. Ле Пен мог торжествовать: побеждала его линия на преодоление сектантского подхода, осуществлялась мечта о сплочении всех крайне правых сил в единый железный кулак. Однако в реальности до «железного кулака» было еще далеко: НФ все еще оставался рыхлой структурой, пусть и стремящейся к превращению в организацию с жесткой дисциплиной. Он был, по сути дела, первой организацией в исто-

---

⁵⁶ Le Front national à découvert. / Sous la direction de Nonna Mayer, Pascal Perrineau. Paris, 1989 (1 edition). P. 20.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Rollat A. Les hommes de l'extrême droite: Le Pen, Marie, Ortiz et les autres. P. 57.

рии послевоенной Франции, объединившей вокруг себя все течения в националистическом движении страны, модулем, к которому могли присоединяться все группы, представляющие национальную оппозицию, и в этом заключалась одновременно и его сила, и его слабость.

Слабость была обусловлена наличием множества разнородных движений, мешавших выработке единого политического курса и по-разному проявлявших свою активность. Особенно ярко это выявилося в деятельности «Нового порядка», который, хотя и был истинным «отцом» Национального Фронта, довольно быстро превратился в оппозиционную фракцию внутри партии. После поражения на выборах 1973 г. сторонники А. Робера все чаще стали возвращаться к методам уличной борьбы, устраивая шумные стычки с голлистами и левыми. В июне 1973 г. после одной из таких стычек «Новый порядок» был распущен специальным правительственным указом, повторив тем самым судьбу группы «Запад». Лидеры «Нового порядка» оказались перед выбором: переформатировать в очередной раз свою организацию или раствориться в рядах Национального Фронта. Ален Робер и его группа приняли попытку захватить власть в партии, но Ле Пен, опираясь на Ф. Дюпра и А. Рено, объявивших себя сторонниками единства, легко отбил их атаку. Робер пытался найти союзника в лице того самого Ж.-Ф. Гальвэра, которого не так давно сместил с поста лидера движения; совместно с Паскалем Гошоном он основал газету «Противостояние», которую, правда, очень быстро пришлось переименовать в «Сопrotивление» (Faire Front)⁵⁹. В конце концов, после обструкции, которую члены «Нового порядка» устроили Ле Пену на собрании генеральной ассамблеи НФ (где президент партии выступал с речью об опасности иммиграции!), произошел окончательный разрыв между двумя группами. Ле Пен, проявив недюжинные способности к аппаратным интригам, сместил Робера с поста генерального секретаря НФ, поставив на этот пост Доминика Кабоша, своего старого соратника еще по движению Пужада и «Комитету Тиксье-Виньянкура». С этого момента – осени 1973 г. – и начинается отсчет эпоха «Национального Фронта Жан-Мари Ле Пена», которая будет продолжаться до января 2011 г., когда престарелый президент НФ уйдет со своего поста, уступив его своей дочери Марин.

Столь подробный рассказ о первых этапах становления партии понадобился нам для того, чтобы понять, чем на самом деле был Национальный Фронт до эпохи Марин Ле Пен и чем он не был. Не был он, вопреки расхожим журналистским штампам (особенно любимым левой французской прессой), неофашистским движением, хотя в движении «Новый порядок», породившем НФ, действительно можно найти характерные черты неофашистской идеологии. Однако именно борьба с «родимыми пятнами» «Нового порядка» – выразившаяся, в частности, в отказе от экстремистских методов политической борьбы и приверженности парламентаризму, – позволила НФ стать той силой, которая спустя сорок лет будет претендовать на роль самой популярной партии Франции.

Путь НФ к успеху вовсе не был легким. Поначалу Ле Пена ожидали на нем серьезные разочарования. Он выставил свою кандидатуру на президентских выборах 1974 г., ожидая, что разрыв с Робером и размежевание с экстремистами «Нового порядка» принесет ему поддержку избирателей. Однако в первом туре выборов Ле Пен набрал лишь 0,74 % голосов – во всей Франции за него проголосовало немногим более 190 тысяч человек. Это была катастрофа. Особенно на фоне того, что Ален Робер вместе со своей группой «Сопrotивление» основал Партию Новых Сил (PNF – Parti des Forces Nouvelles), в которую, помимо его старых соратников Франсуа Бриньо и Паскаля Гошона, перешли «диссиденты» из Национального Фронта, разочаровавшиеся в лидере-«неудачнике» (Ролан Гошо, Жан-Клод Жакар). И первое время казалось, что ПНС, воплотившая в себе все крайности, которых старался избе-

⁵⁹ Поскольку выяснилось, что газета «Противостояние» (Faire Face) уже существует – так назывался печатный орган Ассоциации инвалидов.

гать Ле Пен, добивается определенных политических успехов, в то время как НФ, выглядевший по сравнению с ней бойскаутской организацией, терпел провал за провалом. Отчасти дело было в «борьбе поколений» – после разрыва с Робером остались молодые и необузданные студенты, склонные к силовым методам решения политических споров (боевики в синих и красных мотоциклетных шлемах, вооруженные бейсбольными битами и бутылками с коктейлями Молотова – так выглядели активисты ПНС в 1974 г.), а Национальный Фронт представлялся вотчиной взрослых, серьезных и потому скучных аппаратчиков. Кроме того, общественные настроения во Франции в это время не способствовали успехам крайне правых. В начале 1970-х годов произошло сближение коммунистов, социалистов и левых радикалов, была принята совместная правительственная программа левых сил. Парламентские выборы 1973 г. также продемонстрировали значительный сдвиг французских избирателей влево: всего левые партии и движения получили 45 % голосов (около 11 миллионов избирателей).

Все это создавало неблагоприятные условия для развития и усиления правых, а особенно крайне правых партий. Относительные (по сравнению с НФ) успехи ПНС в это время были вызваны, прежде всего, гибкой тактикой этой организации, позволявшей ей блокироваться с классическими правыми партиями оппозиции. Показательно, что во время президентской кампании 1974 г. Робер и его «Сопротивление» поддержали кандидата умеренных правых Валери Жискар д'Эстена: помимо всего прочего, они предоставили ему (за хорошую плату) пятьдесят мотоциклистов «службы безопасности», которые сопровождали кортеж кандидата в президенты во время его поездок по стране и обеспечивали порядок на митингах.

НФ всегда отвергал тактику заключения союзов с классическими правыми; его свобода маневра была ограничена лишь крайне правыми движениями и организациями, и когда во втором туре президентских выборов Жан-Мари Ле Пен отдал свои голоса д'Эстену, он сделал это с демонстративной неохотой, объясняя свой поступок тем, что должен был предотвратить победу кандидата левых Франсуа Миттерана⁶⁰.

Была, однако, еще одна причина, предопределившая длительный период неудач Национального Фронта – он очень сильно отличался от «Нового порядка» или «Партии новых сил» по своей природе. Вынесенные на гребне революционной волны 1968 г. организации типа «Нового порядка» хотя и тяготели к объединению всех ультраправых, но были, по сути дела, жесткими структурами сектантского толка. А Национальный Фронт с самого момента своего возникновения представлял собой принципиально новую ступень развития политических объединений крайне правых. Можно сказать, что приблизительно до 1978 г. НФ был своего рода эмбрионом крайне правой организации нового типа – федеративной по своему организационному признаку, способной включать в себя достаточно разнородные элементы, интегрировать их, а самое главное – опираться на по-настоящему массовую поддержку в разных слоях общества.

В 1978 г. произошло событие, серьезно повлиявшее на смену курса НФ. 18 марта в собственной машине был взорван теоретик и идеолог партии, близкий друг Жан-Мари Ле Пена, историк Франсуа Дюпра.

Смерть Дюпра изменила политическую линию Национального Фронта. На место представителей фракции «националистов-революционеров», унаследовавших экстремистскую риторику Нового порядка (Ф. Дюпра, Пьер Буге, Ален Рено, Пьер Поти и др.), пришли гораздо

⁶⁰ Расклад сил на выборах 1974 г. вообще не сулил Ле Пену ничего хорошего: против левого Миттерана и голлиста Шабан-Дельма выступали умеренный правоцентрист д'Эстен, с которым правые связывали надежды на демонтаж голлистской системы (оправдавшиеся), и еще более правый Жан Руайе, герой традиционалистов и католиков (прославившийся, в частности, своей борьбой против порнографии). Именно конкуренция с Руайе и сыграла злую шутку с Ле Пенем, который не смог в полной мере реализовать преимущество правой повестки.

более умеренные «солидаристы» во главе с Ж.-П. Стирбуа. Основными установками солидаристов, проповедовавших идеологию «третьего пути», были антикоммунизм и борьба с иммигрантами-арабами. В отличие от «националистов-революционеров» солидаристы рассматривали Израиль как союзника Франции в борьбе с мусульманской опасностью. К концу 1979 г. солидаристы захватили в партии все ключевые позиции.

Изменение баланса сил в партии спровоцировало серьезный внутренний кризис. Прозраительская позиция Ж.-П. Стирбуа привела к разрыву Национального Фронта с многими группами крайне правых, в частности, с последователями Шарля Моррасса. Рушился с таким трудом созданный конгломерат националистических сил, трещала по швам и ходила ходуном вся система НФ. Пьер Потти, бывший редактор первого официального печатного органа партии «Боец», опубликовал на страницах журнала «Наша Европа», издаваемого Федерацией национального и европейского действия (ФАНЕ), статью под названием «**Фронт умер**».

«Испытывая отвращение к талмудическим проискам команды солидаристов, я покинул Фронт, – писал Потти. – Жан-Мари Ле Пен, отдаешь ли ты себе отчет в том, что стал игрушкой в руках сионистов?»⁶¹

Раскол между старой и новой командами предопределил фиаско Ле Пена на президентских выборах 1981 г. Незадолго перед выборами сложил с себя полномочия генерального секретаря партии последний из фракции «националистов-революционеров» Ален Рено. Многие из верных сторонников Ле Пена усомнились в его верности идеалам и принципам крайне правых. В результате Жан-Мари не сумел даже собрать необходимого количества подписей поручителей для выдвижения своей кандидатуры на выборах!⁶²

«Мы не были поняты, – с горечью констатировал Ле Пен. – Но мы еще придем, чтобы дать бой социализму!»

Унизительное фиаско не сломило его, как не сломили и прошлые поражения, и будущие удары судьбы – вплоть до последнего удара «ножом в спину», случившегося весной 2015 года. Национальный Фронт провел перегруппировку сил; сотрудничество Ле Пена и солидаристов привело к выработке политической программы, наиболее цельной и логичной за все предыдущие годы существования партии. Ле Пен встал в оппозицию как к левому правительству, так и к правым парламентским партиям. Политику НФ определяла сплотившаяся вокруг него группа, «мозг партии», куда, помимо опытного аппаратчика Ж.-П. Стирбуа, входили убежденный антикоммунист Мишель Коллино по прозвищу Барбаросса, советник по экономическим и социальным вопросам Жан-Мари Ле Шевалье, масон высокого ранга Жан-Пьер Шенарди, чрезвычайно преданный Ле Пену («за Ле Пеном я последую даже в ад», – говорил он), и Ролан Гоше – единственный человек в руководстве партии, представлявший жесткую линию бывшей группы Дюпра. Этот «коллективный разум» разработал новую программу НФ, с которой Ле Пен вернулся в большую политику весной 1983 г. «Нам нельзя называться крайне правыми, – заявил он. – Нас куда точнее характеризует термин „национальные правые“»⁶³.

Дистанцировавшись от пугавших избирателя правых экстремистов, с их приверженностью насильственным методам ведения политической борьбы, с их антисемитизмом, их симпатиями к нацистской символике и ритуалам, Национальный Фронт начал стремительно

⁶¹ Там же. Р. 79.

⁶² Закон 1976 г. изменил порядок выдвижения кандидатов в президенты; теперь каждый кандидат должен был собрать подписи не менее 500 т. н. «поручителей» (parrainage), которыми могли быть мэры городов, депутаты Национальной ассамблеи, региональные советники, депутаты Европарламента, представляющие не менее 30 департаментов и заморских территорий. В результате на выборах 1981 г. в избирательный список попали лишь 10 человек; еще 74, включая лидера Национального Фронта, остались «за бортом».

⁶³ Le Monde, 02.11.1982.

обретать популярность. Конечно, достижения 1983–1984 гг. не сравнить с успехами первой половины 2000-х, и все же для ютившегося в гетто маргинального движения, каким был несколькими годами ранее Национальный Фронт, это было колоссальный рывок вперед.

На муниципальных выборах в марте 1983 г. в 20-м округе Парижа Ле Пен получил 11,3 % голосов. А в июне того же года в Париже прошла демонстрация полицейских из Профессиональной независимой федерации полиции. Появившийся перед Дворцом Правосудия Ле Пен был встречен аплодисментами и криками «Ле Пен – президент!»

В сентябре 1983 г. на повторных муниципальных выборах в г. Дре Национальный Фронт получил 16,7 % голосов. Кампанию здесь проводил Ж.-П. Стирбуа.

А в июле 1984 г. на выборах в Европарламент партия Жан-Мари Ле Пена получила 11 % голосов и 10 депутатских мандатов.

Начиналась эпоха «эффекта Ле Пена» – эпоха, в которой Национальному Фронту суждено было играть роль «злодея» на политической сцене, чудовища, безобразного и внушающего ужас, но при этом являющегося неотъемлемой частью политического бестиария Франции.

«И тут появился Ле Пен. Надо было видеть его в 1984 году во время первого выступления по телевидению в передаче „Час истины“, благодаря которой он прописался в гостиных у французов. Он вступает в схватку с журналистами, которые берут у него интервью. Он занимает всю сцену и царит на ней, как тореадор на арене. Долго добивался он, чтобы ему позволили выйти на площадку телестудии. Пришлось даже написать жалобное письмо Миттерану о том, что государственное телевидение игнорирует его. Хитроватый президент шевельнул пальцем, и... Это было самым большим везением Ле Пена. Бывший устроитель скандалов в Латинском квартале, бывший член Национального собрания, где он возглавлял микроскопическую группку, Ле Пен, только что разменявший шестой десяток лет, попал-таки на голубой экран. Тот день 1984 года был днем его триумфа.

Что же увидели телезрители? Они увидели живого типа с острым языком, самоуверенного и антипатичного. Но – он говорил о том, о чем говорить было не принято. Вот он стоя объявляет минуту молчания в память о жертвах коммунизма. Думаете, он первым придумал это? Вспомните, как в свое время Понятовский, друг Жискара, предрекал советские танки на площади Согласия в случае победы левых на выборах! Старый мир с его фантазмами не исчез, и Ле Пен реанимировал его. Он говорил громким голосом о том, о чем другие говорили чуть ли не шепотом. Это стало его лозунгом. Он нравится. Благодаря своей воинственности он стал феноменом телевизионной ярмарки тщеславия. О нем говорят, как о чем-то исключительном. Но это было грубой ошибкой: пойдя по такому простому пути, невозможно понять политическую подоплеку персонажа и того, что он несет с собой»⁶⁴.

Какое-то время над Ле Пенем можно было подтрунивать, даже смеяться (и либеральные журналисты никогда не отказывали себе в этом удовольствии), но когда на президентских выборах 1988 г. за него проголосовало почти 4,5 миллиона французов (14,36 % голосов избирателей), стало ясно, что Национальный Фронт – это всерьез и надолго.

А за два года до этого – в 1986 г. – партийный билет Национального Фронта получила юная студентка университета Пантеон-Асса Марин Ле Пен.

---

⁶⁴ Nouvel Observateur, 17.06.2007.

Глава третья

Изгнание старых демонов

Если в середине 80-х Ле Пен был еще «феноменом», то в 90-х он превратился в постоянного игрока на поле французской политики, чья роль становилась год от года все более важной. Предвыборные кампании НФ делали упор на коррупции, которая разъедала «большие партии» – социалистов и Объединение в поддержку Республики. *«Все прогнили, кроме НФ»*, – утверждали идеологи партии. Пропагандистская машина Фронта убеждала избирателей, что между левыми и правыми нет большой разницы (собственно, именно здесь следует искать корни излюбленной «шутки» Марин Ле Пен про «партию UMP» – то есть Союза за народное движение (UMP) и социалистов (S), сливающихся в одного послушного воле Брюсселя монстра).

«Ни правых, ни левых – только французы!» – возвещал слоган партии на выборах 1995 г. На этих выборах Жан-Мари получил честные 15 % голосов: тогда многим казалось, что это электоральный потолок кандидата от крайне правых. В том же году на муниципальных выборах несколько кандидатов Национального Фронта победили соперников из «больших партий» и стали мэрами ряда больших городов на юге страны – Мариньяна, Оранжа и Тулона. Партия стремилась интегрироваться в низовые структуры французской государственной машины – в советы муниципалитетов, кантонов и департаментов, понимая, что доверие избирателей в регионах – фундамент, без которого невозможно дальнейшее «завоевание» Франции. Броские лозунги НФ привлекали на сторону Ле Пена многих французов, традиционно сочувствовавших крайне правым, – но этого ему было мало. Нужно было во что бы то ни стало выйти из гетто, прорвать блокаду больших партий – а это можно было сделать, лишь выбрав правильную стратегию, которая обеспечила бы Национальному Фронту поддержку тех избирателей, которые раньше голосовали за правых, центристов и даже левых. Борьба за электорат – в сущности, та же борьба за ресурсы; тем, кто приходит к дележу пирога во вторую и третью очередь, не стоит надеяться, что где-то в сторонке лежит, никем не замеченный, лакомый кусочек. Ресурс нужно отнимать у соперников, а для НФ соперниками были все без исключения партии Пятой республики.

Уверенный рост популярности НФ был связан в первую очередь с ростом протестных настроений в широких кругах французского общества. Главная идеологическая «приманка» НФ – борьба с иммиграцией – находила отклик в сердцах все большего количества французов. Поток иммигрантов из Северной Африки и Ближнего Востока в бывшую метрополию достиг уже таких масштабов, что игнорировать эту проблему стало невозможно. Однако «большие партии» как раз этим и занимались – делали вид, что с иммиграцией в стране все нормально. На этом фоне Национальный Фронт был единственной партией Франции, которая не просто придавала большое значение проблеме иммигрантов (особенно мусульман), но и рассматривала ее как ключевую для всей политической повестки.

Но идеи НФ были популярны не только потому, что в них присутствовала простая и понятная идея разделения общества на «своих» и «чужих». Активисты партии все чаще говорили о том, что французскому обществу необходимы перемены: рабочие места и социальная помощь должны в первую очередь предоставляться французам, а не чужакам. Однако речь не шла о разделении на «своих» и «чужих» по цвету кожи или форме черепа: к «французам» причислялись представители любых национальностей при условии, что они разделяют идеалы французской культуры и цивилизации, живут по обычаям новой Родины и ставят интересы ее жителей выше всех остальных (родовых, общинных, религиозных и т. д.). Это была не голая декларация: пример Ахмеда и Сорайи Джеббуров показывает, что пред-

ставители арабского мира не только могли поддерживать идеи НФ, но и интегрироваться в его организационную структуру.

Однако подавляющее большинство иммигрантов (и особенно нелегальных) рассматривались идеологами НФ как главные виновники роста преступности и безработицы в стране, как балласт, не дающий Франции развиваться экономически и интеллектуально. Последнее обстоятельство подчеркивалось особо: из-за большого количества детей нефранцузского происхождения, плохо говорящих и почти не умеющих писать на языке новой Родины, учителя в школах вынуждены были по нескольку раз объяснять одни и те же вещи; качество обучения – а стало быть, и квалификация выпускников школ – неуклонно снижались...

Таким образом, уже в конце 80-х – начале 90-х годов НФ совершенно сознательно противостоял идеологии «мультикультурализма», которая тогда лишь набирала силу. (В 2010 г. о провале «мульти-культи» объявит бундесканцлер Германии Ангела Меркель – но это никак не изменит иммиграционную политику Брюсселя.)

Левые, разумеется, клеймили «фронтистов» фашистами и расистами: это было гораздо проще, чем вступать с идеологами НФ в серьезную дискуссию о «войне цивилизаций». Между тем, в партии появились серьезные идеологи, спорить с которыми для левых было не всегда комфортно. Самым ярким из них был Бруно Мегре – человек, с именем которого связан наиболее острый кризис в истории Национального Фронта.

Мятеж Мегре

Бруно Мегре, бывший функционер голлистской партии Объединение в поддержку республики (ОПР)⁶⁵ и лидер движения «Комитет республиканского действия», вступил в ряды Национального Фронта в 1985 г... Талантливый и харизматичный политик, представитель молодого поколения крайне правых (он родился в 1949 г.), Мегре поначалу пришелся по душе Жан-Мари Ле Пену. Возможно, еще и потому, что, как и сам президент НФ, Мегре получил профессиональную военную подготовку (после окончания Политехнической школы в Париже он закончил еще Институт высших исследований национальной обороны (IHEDN) и элитную кавалерийскую школу Кадр-Нуар в Сомюре). Ле Пен почти сразу назначил его руководителем своей избирательной кампании на президентских выборах 1988 г. Как уже говорилось, эти выборы стали своего рода рекордом для лидера Национального Фронта: за него проголосовало в первом туре 4367269 человек, или 14,36 % избирателей (на предыдущих выборах с участием Ле Пена, в 1974 г., ему удалось получить лишь 0,75 % голосов). Роль опытного политического активиста Мегре в подобном исходе выборов была слишком очевидной, и в октябре 1988 г. он был назначен на пост генерального делегата НФ (*délégué général du Front national*). Это был ключевой аппаратный пост, хотя и менее почетный, но более важный в партийной иерархии, чем пост генерального секретаря. Фактически Мегре стал заместителем Ле Пена: он отвечал за подготовку мероприятий партии, связи с общественностью и т. д.

Амбициозному Мегре этого, однако, было мало. Он претендовал и на пост генерального секретаря партии, который в тот момент занимал представитель крыла «солидаристов» Жан-Пьер Сtirбуа. Между Мегре и Сtirбуа шла подковерная борьба за влияние на президента Национального Фронта. Завершилась она неожиданно: в ночь с 4 на 5 ноября 1988 г., возвращаясь с митинга НФ в Дре, Сtirбуа не справился с управлением своим автомобилем и врезался в дерево. Мегре уже готовился занять освободившийся пост генсека, но Жан-Мари Ле Пен неожиданно предложил кандидатуру Карла Ланга, самого молодого из членов Политического бюро НФ.

Карлу Лангу на тот момент исполнился 31 год. Мануальный терапевт по образованию, в НФ он вступил в 1978 г. и долгое время руководил молодежной организацией НФ (предшественницей *Génération Le Pen*). В руководство партии Ланг вошел в 1984 г., а в 1987 основал «Движение молодежи Европы», объединявшее ряд молодежных ультраправых организаций европейских стран.

Ланг был избран на пост генерального секретаря НФ единогласно. Руководство НФ при этом выразило надежду, что его избрание должно привести «к прояснению положения в партии». Это был недвусмысленный намек на беспокойство, которое стал испытывать президент национального Фронта в связи со стремительным карьерным взлетом Мегре. Аппаратные вопросы были частично выведены из его компетенции и передоверены Лангу, самому же Мегре предписывалось сосредоточиться на выработке политической стратегии партии.

В 1989 г. Мегре был избран в Европарламент, а с осени 1990 г. возглавил отделение НФ в важнейшем для партии регионе Прованс-Альпы-Лазурный берег. К этому моменту он был уже признанным стратегом французского националистического движения. Еще в 1990 г. при деятельном участии Мегре был создан Институт национального образования (*Institut de Formation Nationale, l'IFN*), который был призван стать школой партийных кадров для ведения выборных кампаний всех уровней – от муниципальных до европейских. ИНО издавал собственный журнал *Identité* («Идентичность»), контент которого полностью контроли-

---

⁶⁵ Правопреемником этой партии с 2002 г. является Союз за народное движение.

ровал Мегре. *Identité* заполнил давно пустующую нишу идеологического органа ультраправых (НФ в 70-х – 80-х годах был сосредоточен в основном на решении практических задач, идеология не была коньком Ле Пена). Именно Мегре по-настоящему взялся за проблему иммиграции, написав брошюру *«Пятьдесят шагов для решения проблемы иммиграции»*, вызвавшую настоящий переполох как во французских СМИ, так и в рядах французского политического класса⁶⁶.

Позиция его была столь же проста, сколь и привлекательна. Слишком долго, говорил Мегре, Национальный Фронт подвергался шельмованию всех политических сил страны – как коммунистов и социалистов, так и умеренно правых партий, ОНР и СФД. Настало время ответить. *«Партия должна занять наступательную, а не оборонительную позицию по отношению к „космополитическому социализму“»,* – заявлял он.

На молодых членов НФ эти простые, но агрессивные идеи оказывали почти гипнотическое влияние. Почти все выпускники ИНО были его горячими сторонниками. Популярность Мегре росла, и чем он становился влиятельнее, тем меньше устраивал его статус «человека номер два» в Национальном Фронте.

«В первой половине 90-х годов в руководстве НФ сложилась непростая обстановка, – пишет российский франковед Н. Ю. Васильева. – С одной стороны, Мегре редактировал все важнейшие документы партии, готовил избирательную кампанию своего шефа на президентских выборах 1995 г., с другой – он все чаще публично критиковал Ле Пена за авторитарный стиль руководства и за нежелание идти на союз с представителями умеренных правых (ОНР и СФД) с целью создания прочного заслона на пути распространения „социал-коммунистической угрозы“. При этом каких-либо принципиальных идейных разногласий в позициях Мегре и Ле Пена не наблюдалось, из чего председатель НФ сделал весьма обоснованный вывод о том, что значительно более молодой новый генеральный делегат партии просто стремится занять его место на политической арене страны»⁶⁷.

Раскол между Мегре и Ле Пенем назревал исподволь, но в какой-то момент стал неизбежным. Ситуация усугублялась еще и тем, что президент Национального Фронта, опасаясь чрезмерного усиления Мегре, старался продвигать на ключевые посты преданного ему университетского преподавателя **Бруно Гольниша**. В 1994 г. Гольниш стал вице-президентом партии, а в 1996 получил из рук Ле Пена так прельщавший Мегре пост генерального секретаря НФ (Карл Ланг сложил с себя полномочия, сосредоточившись на обязанностях депутата, но вновь занял этот пост в 1999 г.). При всем том, Мегре был гораздо влиятельнее Гольниша: на съезде НФ 1997 г. в Страсбурге он – с большим отрывом от конкурентов – был переизбран генеральным делегатом партии, в то время, как Гольниш занял лишь третье место. Съезд в Страсбурге стал своего рода «демонстрацией силы» Мегре. Генеральный делегат, евродепутат, советник региона Прованс-Альпы-Лазурный берег, самый популярный член ЦК партии, «полководец» армии выпускников Института Национального Образования – он готов был бросить вызов стареющему президенту НФ. Прошло совсем немного времени – и он это сделал.

Несколько раз Мегре с триумфом избирался мэром города Витроль в департаменте Буш-дю-Рон. Когда в 1997 г. суд запретил ему участвовать в муниципальных выборах из-за нарушений финансирования избирательной кампании, Мегре объявил, что заменяет свою кандидатуру кандидатурой своей жены, – и этого оказалось достаточно, чтобы за Катрин Расковски-Мегре проголосовало 52 % избирателей.

⁶⁶ Во второй главе упоминалось, что проблема иммиграции поднималась Ж.-М. Ле Пенем и раньше (ее включение в партийную идеологию произошло под влиянием Жан-Пьера Шенарди), но рассматривалась почти исключительно в социально-экономическом, а не цивилизационном аспекте.

⁶⁷ Н. Ю. Васильева. Национальный Фронт: вчера, сегодня, завтра // Французский ежегодник. 2003. М.: Едиториал УРСС, 2003.

Гром грянул в декабре 1998 г., когда в подобную ситуацию попал уже сам Жан-Мари Ле Пен (против него был подан иск за оскорбление одного из кандидатов-социалистов). Опасаясь, что из-за судебного разбирательства его не допустят к выборам в Европарламент, президент НФ объявил о намерении сделать лидером списка кандидатов от НФ свою жену Жани. Кому-кому, а Мегре, проделавшему тот же трюк, только в масштабах провинциального города, можно было понять мотивы своего шефа, но «второй человек в партии», уже примерявший на себя костюм президента НФ, закусил удила. Мегре выступил в прессе с резкими заявлениями в адрес Ле Пена, потребовав официального обсуждения вопроса о списке кандидатов в Европарламент на партийном съезде. Очевидно, он рассчитывал, что его авторитет среди молодых членов движения поможет ему скинуть «престарелого» (на самом деле, семидесятилетнего) Ле Пена с поста лидера партии. Увы, он жестоко просчитался.

Жан-Мари Ле Пен провозгласил лозунг TSM – Tout sauf Mégret («Всё, что угодно, только не Мегре!») В авангарде этой кампании выступили такие ветераны движения, как Роже Олендр, Бруно Гольниш и Жан-Клод Мартинес. Примкнула к ним и Марин, у которой с Мегре были старые счеты – как помнит читатель, в 1997 г. именно сторонники Мегре, подстрекаемые свояком Марин, Филиппом Оливье, «прокатали» ее на выборах в ЦК партии на съезде в Страсбурге. Тогда скандала удалось избежать: результаты голосования не были опубликованы сразу, официально было сообщено о сбое в программе обработки голосов. Но потом Жан-Мари Ле Пен заявил, что его дочь пала жертвой внутрипартийного заговора – и самолично внес ее имя в списки членов ЦК (устав партии позволял ему добавить 20 своих кандидатов вне зависимости от результатов выборов).

Как считает историк Валери Игуне, никакого заговора в действительности не было: «Марин просто не имела реальных оснований фигурировать в списке кандидатов. Ветераны движения не питали к ней никакой симпатии. В НФ она не выполняла никаких задач, и начало ее партийной карьеры было довольно скромным. На парламентских выборах в 1993 г. в XVII округе Парижа она получила 11 % голосов... Назначение Марин (в ЦК партии. – К. Б.) усугубило напряженность между сторонниками Ле Пена и соратниками Мегре...»⁶⁸

Как бы то ни было, за год, прошедший со съезда в Страсбурге, многое изменилось. Марин Ле Пен уже не была просто «младшей дочкой вождя», она набрала аппаратный вес.

В январе 1998 г. Жан-Мари Ле Пен создал в рамках партии юридический департамент. Сделано это было по совету Марин, которая и возглавила новую структуру⁶⁹. Став во главе юридической службы партии, Марин ушла из парижской коллегии адвокатов; несколькими месяцами позже она была избрана в региональный совет Нор-Па-де-Кале от департамента Нор.

Было бы преувеличением сказать, что Марин взяла на себя роль тореадора в борьбе с Мегре, но возглавляемая ей юридическая служба воткнула в шкуру этого «быка» немало острых бандериллий. Главной задачей Марин в этот момент было выявление скрытых и потенциальных сторонников Мегре в эшелонах партии – и их нейтрализация. Одним из тех, кого она заподозрила в тайных симпатиях к мятежникам, был Бернар Курсель, шеф службы безопасности Национального Фронта (DPS). Эта «частная армия» НФ насчитывала около 1700 бойцов, многие из которых были бывшими полицейскими, а некоторые – профессиональными наемниками⁷⁰. Кроме того, DPS выполняла функции партийной контрразведки. Служба безопасности всегда была силой, абсолютно преданной Жан-Мари Ле Пену, – однако личность ее руководителя внушала Марин некоторые сомнения. К этому моменту конфликт

⁶⁸ Valerie Igounet. Marine Le Pen est-elle amnésique? // Derriere Le Front. Histoires, analyses et decodages. (<http://blog.francetvinfo.fr/derriere-le-front/2015/05/12/marine-le-pen-est-elle-amnesique.html>).

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ <http://www.gauchemip.org/spip.php?article17280>.

между сторонниками Ле Пена и Мегре достиг апогея: Жан-Мари был готов даже к вооруженному нападению «мегретистов» на штаб-квартиру НФ («Пакетбот»). Как рассказал Курсель журналистам, пятерых сотрудников DPS, которые «годами доказывали свою преданность», подвергли жесткому тестированию, с целью проверить их готовность защищать вождя. В частности, их спрашивали, готовы ли они стрелять из имеющегося у них оружия в сторонников Мегре в случае, если последние попытаются прорваться в здание штабквартиры. Когда охранники ответили отрицательно, их немедленно уволили «за политическую неблагодарность». Приказ об их увольнении отдал Карл Ланг, назначенный новым генеральным делегатом НФ⁷¹. А самого Курселя с поста начальника службы безопасности «ушла» Марин, посчитав его не вполне лояльным⁷². Таким образом, спустя всего несколько месяцев после образования юридического департамента НФ у Марин уже были полномочия увольнять человека, возглавлявшего службу безопасности партии на протяжении пяти лет. *«Марин круто пошла вверх»*, – вспоминал позже Курсель⁷³.

На внеочередном съезде партии Мегре и его сторонники были объявлены предателями и исключены из партии. Личным ударом для Ле Пена стало то, что следом за Мегре ряды НФ покинула его старшая дочь Мари-Каролин с мужем. Однако раскол хотя и ослабил, но все же оздоровил партию. С 1998 г. никто больше не пытался бросить вызов единоличной власти президента Национального Фронта. Что до Мегре, то он сразу же после исключения из партии основал свое движение, которое назвал первоначально «Национальный фронт национального движения», однако после судебного иска (в подготовке которого также принимала непосредственное участие глава юридического департамента НФ) сменил имя на Национальное республиканское движение (Le Mouvement national républicain). Очень скоро стало ясно, что без массового движения со спаянной железной дисциплиной все организаторские таланты Мегре стоят немногого: на выборах в Европарламент его НРД получило лишь 3,28 % голосов (тогда как для прохождения в главный законодательный орган Европы требовалось преодолеть 5 % барьер). Бывший босс и соперник Мегре, Жан-Мари Ле Пен, эту планку перешагнул, набрав почти 6 % голосов – и получил 5 депутатских кресел в Европарламенте. С позиции дня сегодняшнего, когда НФ довольно легко получает 25 % голосов избирателей и 24 кресла в Европарламенте, эти результаты кажутся скромными, но тогда для партии это был триумфальный рывок вперед. И если у Ле Пена впереди были новые победы и достижения, то звездный час Бруно Мегре остался в прошлом. На президентских выборах 2002 г. он получил немногим более 2 % голосов, и во втором туре отдал свои голоса бывшему боссу и сопернику, которого так и не сумел свергнуть с трона президента Национального Фронта.

⁷¹ http://www.liberation.fr/politiques/1999/04/29/le-pen-serait-determine-a-faire-tirer-sur-les-megretistes_269891

⁷² Службу безопасности НФ вместо Курселя возглавил Жан-Пьер Шабру, преданный Ле Пену до мозга костей. Интересно, что в 2011 г. Шабру, уже оставивший пост главы DPS, был назначен ответственным за безопасность делегации ЕС в Бенгази (Ливия). (<http://rue89.nouvelobs.com/2011/10/23/lex-patron-de-la-securite-de-le-pen-reprend-du-service-en-libye-225869>).

⁷³ Caroline Fourest, Fiametta Venner. Op. cit. P. 111.

Рождение новой звезды

5 мая 2002 г. на избирательных участках Франции начали подсчитывать результаты второго тура президентских выборов. Первый тур, состоявшийся 21 апреля, закончился с сенсационным результатом: на втором месте, уступив фавориту гонки Жаку Шираку всего 3 % голосов, оказался Жан-Мари Ле Пен с 16,86 % голосов. Это был настоящий шок, причем не только для левых, но и для самих крайне правых, не ожидавших такого успеха (учитывая, что еще 2,3 % получил «раскольник» Бруно Мегре, кандидаты от НФ и ОНР вообще шли ноздря в ноздю). *«Я плакала от радости весь вечер, как девчонка»*, – вспоминала Марин Ле Пен⁷⁴. Однако радость оказалась преждевременной. Сработал психологический механизм: французские СМИ не зря двадцать лет выставляли Жан-Мари Ле Пена чудовищем, которым пугают детей. Все политические силы страны сплотились, чтобы не дать «фашисту» и «антисемиту» триумфально войти в Елисейский дворец. И во втором туре лидер Национального Фронта потерпел сокрушительное поражение: несмотря на то, что он улучшил свой результат по сравнению с первым туром (теперь за него проголосовали 17,79 %), разрыв между ним и Шираком составил 64 %.

---

⁷⁴ Marine Le Pen. À contre-flots. Paris: Grancher 2006. P. 178.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.